

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии *New York Times*

КАРЕН УАЙТ

*Чердак
на Куин-стрит*

«Эффектная история.
А город Чарльстон — отличный фон для книги
о мистике, романтике и опасности».

Kirkus

TRADD STREET. КНИГА 7

Карен Уайт
Чердак на Куин-стрит
Серия «Зарубежный
романтический бестселлер.
Романы Сары Джио и Карен Уайт»
Серия «Романы о медиуме
Мелани Миддлтон»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68849178
ISBN 978-5-04-181569-1

Аннотация

Жизнь Мелани полна взлетов и падений. Она в серьезном разладе со своим мужем Джеком, а еще ей никак не удается разгадать тайну убийства, о расследовании которого попросила ее подруга. Даже талант медиума не помогает Мелани.

Тем временем в разных местах ее дома то и дело появляется жутковатая кукла. Мелани знает: это дурной знак. Который, возможно, связан со старинным алмазом, спрятанным в этих стенах.

Алмазом хотят завладеть слишком многие, и поэтому Мелани и Джеку как никогда нужна поддержка друг друга. Им придется принять важные решения, чтобы спасти свой брак и близких.

«Прекрасное сочетание сверхъестественного, мистики и качественной беллетристики». – *Booklist*

ЭТО СЕДЬМАЯ КНИГА ЦИКЛА РОМАНОВ О МЕДИУМЕ МЕЛАНИ ИЗ ЧАРЛЬСТОНА.

Романы цикла можно читать по порядку или как самостоятельные истории.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	55
Глава 4	72
Глава 5	96
Глава 6	113
Глава 7	131
Глава 8	141
Глава 9	156
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Карен Уайт

Чердак на Куин-стрит

Karen White

The Attic on Queen Street

Copyright © Harley House Books, 2021

This edition published by arrangement with Writers House

LLC

and Synopsis Literary

Перевод с английского Татьяны Бушуевой

Художественное оформление серии Сергея Власова

Оформление переплета Дмитрия Сазонова

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается Клэр и Ричу Кобилт
и их семье.*

Лучше, чем салат из капусты

Глава 1

Снег в Чарльстоне не только редкость, но и подлинное волшебство. Припорошенные белой ледяной пылью пальмы и шпили церквей, древние статуи и кованые ограды превращают Священный город в завораживающий снежный шар. Когда дети и взрослые выбегали на улицу, чтобы поиграть на экзотической игровой площадке, на лужайках и в парках, словно сорняки, начинали прорастать снеговики, а на каждом ровном участке земли расправляли свои крылья снежные ангелы.

В течение почти трех дней после рекордной снежной бури, когда температура начала подниматься, белые пятна снега отчаянно цеплялись за каждую поверхность, постепенно сжимаясь по мере оттаивания мира, оставляя после себя лишь потеки на карнизах и мокрые лужи, как напоминание о том, что они когда-то были здесь.

Я наблюдала за всем этим из своего дома на Трэдд-стрит, и мое сердце казалось таким же замороженным, как ледяные сталактиты, капающие из фонтана «Ананас» в прибрежном парке. Меньше чем за неделю моя жизнь перевернулась с ног

на голову, как будто приняла приглашение зимы покататься по льду без коньков. Или любой толстой подкладки, способной смягчить неизбежное падение.

Неким образом я умудрилась превратиться из очень счастливой в браке матери троих детей в мать-одиночку, от которой ушел муж, а сам брак грозил вот-вот треснуть, как подтаявший лед. А все потому, что я совершила ошибку, нарушив свое обещание доверять Джеку настолько, чтобы делиться с ним всем. Быть одной командой во всех делах.

Что бы там ни думали другие, это была не совсем моя вина. Мы с Джеком – а он автор бестселлеров о реальных преступлениях – бились над разгадкой тайны того, где спрятан клад времен Войны за независимость. Увы, заклятый враг Джека, самопровозглашенный автор и законченный негодяй Марк Лонго обнаружил его первым. Марку удалось украсть идею книги Джека об исчезновении Луизы Гиббс, которая когда-то жила в нашем доме на Трэдд-стрит и которую убил предок Марка, Джозеф Лонго. Марк не только сделал книгу международным бестселлером, но и заключил выгодный контракт на ее экранизацию. А потом не мытьем, так катаньем сумел уломать нас, чтобы мы разрешили снимать фильм в нашем доме. Ради Джека я не могла позволить Марку одержать очередную победу.

Не моя вина, что в то самое время, когда я узнала, что клад зарыт на кладбище на плантации Галлен-Холл, принадлежащей брату Марка Энтони Лонго, Джек заболел гриппом

и не успел вовремя поправиться. Не моя вина, что Марк и Энтони рассчитывали, что я разгадаю тайну, и ждали, когда я укажу путь к спрятанному сокровищу. Не моя вина также и в том, что моя сводная сестра Джейн рассказала Джеку, чем я занимаюсь, и что он настоял на том, чтобы пойти с нами на кладбище. И уж точно не моя вина, что он случайно наступил на старую могилу, полную рассыпавшихся в труху гробов, которые рухнули под ним, едва не похоронив заживо.

Насколько я могла судить, моя единственная ошибка заключалась в моей убежденности. Я была убеждена в том, что Джек так обрадуется, что я нашла клад, что простит мне все остальное. Но, как оказалось, все мы сильны задним умом, и просить прощения не всегда легче, чем просить разрешения.

Я бросилась по заснеженным улицам города, чтобы сказать Джеку, что мне жаль, что я совершила ошибку и что это никогда не повторится снова, но обнаружила, что он собирает сумки. В ответ он лишь попрощался со мной, после чего последовал решительный щелчок входной двери, захлопнувшейся прямо перед моим носом.

Три недели я не выходила из дома, боясь пропустить момент, когда Джек решит вернуться. Друзья и родственники приходили и уходили в бесконечных попытках встряхнуть меня, уговорить выйти на улицу, обольстить обещаниями пончиков и кофе – увы, ни то ни другое больше не соблазняло меня.

Рождество прошло почти незаметно. Моя падчерица Но-

ла превзошла саму себя, пойдя против собственных диетических предпочтений и приготовив мои любимые десерты с глютенom и углеводами, а также другие вкусняшки. Со своей стороны я из кожи вон лезла, притворяясь, будто я их ем. Она и мои 21-месячные близнецы, Джей-Джей (сокращенное имя Джека-младшего) и Сара, спасли весь праздник тем, что были единственными яркими пятнышками радости.

Их няня, Джейн, одела малышей, чтобы отвезти в дом родителей Джека, где они должны были отпраздновать Рождество во второй раз в один и тот же день. В отличие от меня Нола и близнецы, похоже, не были расстроены перспективой того, что они получат новые подарки без меня. Подарки, которые, вне всяких сомнений, были завернуты как попало, вместо того чтобы для точности измерить каждый угол и чтобы каждый клочок ленты был одинаковой длины с другими. По-видимому, только их мать знала, насколько важны подобные вещи.

Я даже приняла душ и вымыла волосы, питая смутную надежду на то, что Джек сам приедет забрать их, но потом все же была вынуждена храбро поцеловать детей на прощание. Три мои собаки – Генерал Ли, Порги и Бесс – скулили и сопели, поднимая мне настроение, пока до меня не дошло: они расстроены вовсе не из-за меня, а потому, что тоже хотели в гости.

Даже после Рождества, когда все возвращались к повседневным делам, моя работа риелтора в «Бюро недвижимости

Гендерсона» не привлекала меня настолько, чтобы одеться и отправиться в свой офис на Брод-стрит. Все равно в это время года бизнес замирал, и наша секретарша Джолли пообещала позвонить мне и сообщить, если будет что-то важное. Она не только дотошно хранила все записи и делала заметки (что я ценила больше, чем все остальные), но также была самопровозглашенным экстрасенсом, чьи предсказания были либо крайне расплывчаты, либо устрашающе точны. Она позвонила только один раз, чтобы решительно – по ее словам – сообщить мне, что призраки не оставляют следов на снегу. У меня не хватило духу сказать ей, что она неправа.

И вот теперь, спустя почти три недели после Нового года, я стояла у одного из высоких окон столовой, выходящих на наш сад, который был любовно восстановлен моим отцом. Прошлой весной весь его кропотливый труд был сведен на нет сильными ливнями, обнажившими древнюю цистерну, причем не только старые кирпичи.

Не будь мое настроение и взгляды на жизнь такими же темными и пустыми, как дно цистерны, возможно, я надеялась бы, что последний из беспокойных духов, разбуженных внезапным светом, покинул место своего обитания. В конце концов, они ведь тоже отчасти виноваты в уходе Джека. Но только отчасти. Остальная вина лежала на ком-то другом, хотя мы с Джеком, похоже, расходились во мнении относительно того, на ком именно.

Прижавшись лбом к холодному оконному стеклу, я тупо

наблюдала за тем, как вокруг остатков снега на голубом брезенте, защищенном от солнца вековым дубом, стали появляться небольшие углубления. Торчащий то здесь, то там голый выступ синего брезента навевал мысли о локтях замерзших пловцов. Я моргнула, узнав четкие отпечатки пятки и носка маленькой ноги в ботинке, прокладывающие дорожку через сад. Поняв, что следы заканчиваются прямо перед окном, где я стояла, я выпрямилась.

– Мелли?

Я вздрогнула, что случается со мной редко, и, схватившись за горло, резко обернулась. Большую часть моих сорока одного года меня посещали дорогие усопшие, но они скорее действовали мне на нервы, нежели пугали. Особенно те, кому, похоже, нравилось появляться позади меня в зеркалах или материализоваться на лестничных площадках, чтобы затем грубо толкнуть меня. В какой-то момент мне нужно было обсудить с ними азы хорошего поведения.

Джейн стояла позади меня, держа пакет, от которого подозрительно пахло пончиками. В другой руке она сжимала кружку из кухни, от которой поднимался пар. Светло-коричневый цвет содержимого говорил о том, что она добавила идеальное количество сливок. Мы с ней знали друг друга всего около года, но этого времени нам хватило, чтобы прийти к выводу: мы обе любительницы кофе со сливками и с еще большим количеством сахара, она более спортивная, чем я, она ненавидит темноту по той же причине, что и я, и мы обе

унаследовали от матери способность общаться с мертвыми. Джейн смотрела мимо меня в сторону сада и единственной пары следов.

– Кто здесь? – тихо спросила она, словно не желая вспугнуть этого кого-то или что-то. Увы, она опоздала. Волоски у меня на затылке и на руках уже встали по стойке «смирно». Внезапно я вспомнила самую последнюю колонку, написанную Сьюзи Дорф, репортершей местной газеты «Пост энд курьер»:

...раскопки цистерны в бывшем особняке Вандерхорстов на Трэдд-стрит все еще продолжаются, но неназванный источник сообщил мне, что там скрыто больше секретов, и некоторые члены нашего сообщества делают ставки по поводу того, будут ли владельцы дома жить в нем вместе к тому времени, когда будет обнаружено последнее сокровище.

Я демонстративно повернулась спиной к окну.

– Не знаю и знать не хочу. Я сыта всем этим по горло.

– А как же твоя подруга Вероника? Ты ведь обещала помочь ей выяснить, кто убил ее сестру. Мы должны работать вместе, помнишь? Не говоря уже о том, что Вероника рассчитывает на тебя. Особенно теперь, когда ее муж настаивает на продаже их семейного дома. Адриенна все еще там... ты чувствовала ее присутствие. И мы обе знаем, что, если они уедут, ты потеряешь все шансы найти убийцу.

Я мгновение в упор смотрела на нее, затем медленно кив-

нула:

– И мне кажется, ты не дашь мне забыть об этом в ближайшее время.

– Не дам. – Она встала рядом со мной и прижалась лбом к окну, чтобы заглянуть в сад. – Они ведь почти закончили раскопки, верно? Папин сад практически разрушен. Хотя, между нами говоря, похоже, он в восторге от перспективы начать все сначала. Мне кажется, мы должны ограничить количество уроков садоводства, которые он посещает. Его энтузиазм уже бьет через край.

Я кивнула. Я больше не ощетиливалась, когда она называла моего отца «папой». Она родилась после того, как мои родители развелись, после того как наша мать возобновила отношения со своим старым кавалером. Личность Джейн и тот факт, что она не умерла при рождении, как то когда-то сказали нашей матери, были подтверждены лишь недавно, когда она неожиданно унаследовала дом на Саут-Бэттери. Нам и нашей матери пришлось как следует потрудиться, чтобы одержать победу над разгневанным призраком жены ее отца.

Лишь недавно примирившись с воссоединением матери и отца, я с трудом приняла сестру, которую сразу же приняли оба моих родителя. Несмотря на мои первоначальные опасения, я тоже со временем приняла и полюбила ее и была втайне обрадована тем, что теперь у меня есть сестра, с которой меня роднит нечто большее, нежели просто общая ДНК.

– Софи постоянно твердит мне, что они близки к завер-

шению. Я не собираюсь рассказывать ей о следах... я хочу, чтобы эту цистерну поскорей закопали и забыли о ней.

Джейн повернулась ко мне лицом. Но вместо того чтобы упрекнуть меня, она сделала большие глаза и в упор посмотрела на меня.

– Ты рылась в шкафу Софи?

Доктор Софи Уоллен-Араси была – вопреки здравому смыслу – моей лучшей подругой. Преподаватель сохранения исторического наследия в Колледже Чарльстона, она была моей полной противоположностью. Софи носила цветастые балахоны, а я хрустящие льняные костюмы с сумочками в тон. Она – биркенстоки, а я лабутены. Она предпочитала настоящую рождественскую зелень, когда мне хватало простых пластиковых гирлянд, а все потому, что ей нравилось все усложнять. Я привыкла думать, что мы дополняем друг друга, сглаживая острые грани наших личностей. Софи провела меня через обширный и бесконечный ремонт моего исторического дома, который я, сама того не желая, унаследовала вместе с собакой – Генералом Ли – и экономкой миссис Хулихан. Все это время я постоянно комментировала ее странный выбор нарядов в надежде на то, что однажды она действительно посмотрит на себя в зеркало и все исправит.

Я посмотрела на свои мешковатые спортивные штаны и изъеденный молью кардиган с пятном от неопознанной еды на рукаве, и на мои глаза навернулись слезы. Я нашла эту одежду в темном углу чулана, куда Джек бросил ее и забыл.

Кроме наших детей, это были единственные его вещи, которые он оставил после себя.

Словно для того, чтобы предотвратить новые слезы, Джейн с обнадеживающей улыбкой подняла пакет и кружку.

– Я принесла пончики из твоей любимой пекарни. И приготовила тебе кофе так, как ты любишь. – Она подошла ближе, чтобы я могла почувствовать аромат кофе. – Поскольку миссис Хулихан все еще в отпуске, я сделала все сама.

Обычно при одном только упоминании моей любимой пекарни у меня бы потекли слюнки, но сегодня лишь тихо заурчало в животе. Я не могла вспомнить, когда я в последний раз ела.

Я взяла кружку, а Джейн, поставив пакет на обеденный стол, посмотрела на сморщенные апельсины и сухие сосновые ветки, стряхивающие на блестящую поверхность пола коричневые иглы. Все это в центре стола осталось от благотворительного рождественского ужина в ночь сильного снегопада, когда Джек едва не был похоронен заживо. Внезапная вспышка гнева слегка разогнала мое уныние. Я была согласна с тем, что, решив действовать самостоятельно, я, возможно, нарушила наше соглашение о взаимном доверии. Но я не могла перестать думать о том, что, останься тогда Джек в постели, как то ему было велено, его бы не оказалось в ту ночь на заснеженном кладбище или он не упал бы в обрушившуюся могилу.

– Уже почти конец января, Мелани. Хочешь, я помогу те-

бе снять рождественские украшения?

Джейн указала на поникшую рождественскую елку в углу. Несчастные украшения ютились внизу, там, куда они соскользнули с голых ветвей рядом со сморщенными апельсинами на разных стадиях разложения, словно жертвы резни, в которой равнодушие было единственным оружием.

Я пожала плечами:

– Конечно. – Не обращая внимания на пончики, я, почти не ощущая вкуса, сделала глоток кофе. Я обхватила кружку ладонями, ощущая ее тепло, но, поднеся ее к губам, чтобы сделать второй глоток, остановилась. – Почему ты здесь? Сара и Джей-Джей сегодня с Джеком.

Джейн вздохнула:

– Помимо того факта, что мне не нужна причина, чтобы навестить мою сестру или принести ей еды, так как миссис Хулихан отсутствует, я принесла сообщение.

– Сообщение? – Я не стала скрывать надежду в голосе. Один из плюсов, когда имеешь сестру, состоит в отсутствии необходимости притворяться.

Она утешительно улыбнулась мне:

– От Ребекки. Она и Марк хотели бы встретиться с тобой и Джеком и поговорить по поводу съемок. Она подумывала пригласить тебя сама, но с учетом того, что дело касается также Марка и Джека, решила, что ей нужна я как посредник. Она упомянула о том, что со старинных ковров трудно смыть кровь.

Я вопросительно подняла брови. Ребекка была нашей дальней родственницей, а также бывшей девушкой Джека и моей немезидой. Она вышла замуж за Марка Лонго, чей главный талант, по-видимому, заключался в том, чтобы использовать свои далеко идущие связи для того, чтобы разрушить писательскую карьеру Джека.

Я закрыла глаза и покачала головой:

– Нет. Этого не произойдет. Нам больше не нужны деньги, с тех пор как мы нашли на кладбище рубины. – Я не стала добавлять «той ночью, когда Джек чуть не погиб», так как в этом не было необходимости. Та ночь запомнилась всем не только по причине падения Джека в провалившуюся могилу, но и потому, что некая сила за ноги затащила Марка в мавзолей, и его волосы стали совершенно седыми.

– Наши юристы уже связались с кинокомпанией, – продолжила я, – и предложили щедрую неустойку, если они сменят место съемок. Нам пришлось напомнить им, что мы были вынуждены согласиться лишь потому, что пытались избежать судебного иска после автомобильной аварии, когда Нола сбила Марка и этого жуткого продюсера, Харви Бекнера. Но теперь, поскольку мы нашли рубины, наше финансовое положение уже не столь отчаянное. Марк абсолютно ничего не может сказать, чтобы заставить нас передумать.

– Марк в курсе. Но Ребекка говорит, что это еще не все. Она предложила встретиться в твоём офисе в удобное для тебя и Джека время.

– С нами обоими? – Мне было все равно, сколь жалко прозвучал мой голос или как быстро мое твердое упрямое «нет» в адрес съемочной группы рядом с моим домом сменилось мыслями о том, что мне надеть на встречу, если вдруг там будет Джек, и что мне, вероятно, следует вымыть голову. – Он согласился?

– Пока нет. Они сочли за лучшее, чтобы ты спросила его сама, а потом сообщила им.

Мое волнение пошло на убыль.

– Понятно. Ладно, попробую. Это все, что я могу обещать. Хотя мне кажется, в Чарльстоне скорее будет еще один большой снегопад, нежели Джек согласился сесть со мной рядом, не говоря уже про Марка и Ребекку.

– Понятно. Я дам знать Ребекке. – Она присела на корточки и взяла с пола два апельсина. Шипастые гвоздики, которые я так старательно воткнула аккуратными рядами, теперь больше походили на кривые прыщики на сморщенных головках. – Давай я уберу все эти гнилые фрукты и засохшую зелень? Тем более что это пожароопасно.

Я не ответила, так как отвлеклась на звуки гитары Нолы, доносившиеся из ее комнаты. Свои музыкальные способности моя падчерица унаследовала от своей покойной матери и уже добилась успеха, сочинив песенки для рекламы, а также несколько хитов для поп-исполнителя и сердцееда Джимми Гордона.

Период творческой засухи, который длился одновременно

с точно таким же периодом у Джека во время нашего недавнего кризиса с участием трех беспокойных духов эпохи Войны за независимость и предстоящих съемок, которые должны были начаться сразу после праздников, похоже, закончился. Но нынешний разлад ее родителей, похоже, подлил масла в огонь ее творчества. Меланхолические звуки ее гитары стали теперь постоянным саундтреком к моей жизни.

Не помогало и то, что слова были такими же унылыми, как и мелодии, но музыка была важна для Нолы, поэтому я не просила ее прекратить, хотя и начала затыкать уши берушами после того, как услышала первые строчки ее последнего творения: «Мое сморщенное сердце, все черное и холодное, оно все еще бьется, пока я не состарюсь...»

Я постоянно напоминала себе, что, когда Джек уехал, Нола предпочла остаться со мной. Это была демонстрация привязанности и солидарности, которую я ценила, хотя она и заявила, что не выбирает чью-то сторону. Но, слушая ее музыку я невольно задавалась вопросом: вдруг она осталась лишь затем, чтобы наказать меня за то, что я была настолько глупа, когда дело касалось ее отца.

Я услышала, как дверь в спальню Нолы открылась и по коридору к ступенькам помчались три пары лап, одна чуть медленнее, чем две другие. Даже Генерал Ли покинул мою постель и в отместку мне теперь предпочитал спать в комнате Нолы. И хотя я постоянно напоминала себе, что не люблю собак, его дезертирство причиняло мне почти такую же

боль, как и дезертирство Джека.

Джейн удалилась на кухню за мешком для мусора, а я прошаркала в прихожую, чтобы посмотреть, как Нола спускается по лестнице и с каждым ее шагом с гирлянды перил каскадом на пол слетали сухие сосновые иголки. Пластиковые гранаты и прочая контрабанда, которую я сумела протаскать, невзирая на исторически достоверный глаз Софи, оставались среди высохших веток гирлянды целыми и спелыми на вид. Я хотела сфотографировать их, чтобы доказать Софи, что была права насчет того, какое место в моем рождественском декоре занимает пластик, но даже эта праведная победа казалась пустой и не приносила радости.

Длинные темные волосы Нолы падали ей на лицо. Все ее внимание было приковано к телефону – тот как будто прирос к ее рукам, а ее большие пальцы, казалось, летали над экраном. Не глядя под ноги, она спускалась по лестнице, а вокруг ее ног носились три собаки.

– Нельзя ли хотя бы держаться за перила одной рукой? Так недолго и оступиться.

Она продолжила спускаться по лестнице, как будто не слышала меня. Ее большие пальцы замерли лишь тогда, когда она достигла нижней ступеньки. Она посмотрела на меня пронзительными голубыми глазами Джека – все трое моих детей были клонами их отца, как будто их матери просто хранили внутри себя клетки между зачатием и рождением, – и улыбнулась типичной отцовской улыбкой, которая неиз-

менно заставляла меня врасплох.

– Ты что-то сказала? Я переписывалась с Линдси и Олстон, чтобы позже посмотреть фильм.

Я открыла было рот, чтобы повторить сказанное, но передумала. Если за три года, прошедшие с тех пор, как Нола переехала к нам, я что-то и уяснила о том, как обращаться с девочками-подростками, так это что выбор, в каких битвах сражаться, а в каких нет, сводился к разнице между домашним спокойствием и жизнью с бомбой замедленного действия. В целом Нола была покладистой, за исключением тех случаев, когда кто-то упоминал об отсутствии у нее водительских прав, ставил под сомнение ее приверженность веганству или спрашивал, в какой колледж она хочет поступить.

Вместо этого я наклонилась, чтобы почесать три пары пушистых ушей.

– Разве ты не должна быть в школе?

Наградой за мою нежность стали три маленьких розовых язычка, который нежно облизали меня. Эта демонстрация любви вызвала слезы благодарности на моих глазах. Не то чтобы собаки были полноценной заменой Джека, но на данный момент ничего другого у меня не было.

Я видела, что Нола борется с желанием закатить глаза. С тех пор как Джек ушел, она свела закатывание глаз к минимуму, очевидно, чтобы не дать моему эго окончательно скатиться вниз.

– Сегодня суббота. А значит, и экскурсия по кампусу Чарльстонского колледжа, помнишь?

Я была почти уверена, что она не упомянула об этом при мне, так как я уже проверила свой телефон и настольные календари, и они оба были пусты. В противном случае я бы запомнила. Вопрос о колледже превратился в деликатную проблему, которую Нола воспринимала с тихим стоицизмом, когда выходила из дома, чтобы посетить уроки подготовки к Академическому Оценочному Тесту или ярмарку колледжей. Все это делалось без участия Джека или меня, чтобы избежать «постороннего влияния», что на самом деле было нелепо. Джек и я, мы оба учились в Университете Южной Каролины – Джек по футбольной стипендии, – и мы хотели лишь одного: чтобы она нашла колледж себе по душе. То, что у Джека были абонементы на все спортивные мероприятия и большую часть осени он носил толстовку с эмблемой родного университета, вовсе не означало, что он хотел, чтобы она выбрала его альма-матер. Впрочем, против он тоже не был. По крайней мере, мы добились ее согласия разрешить нам посещать вместе с ней колледжи, при условии, что мы будем хранить молчание.

– Вообще-то нет. – Ее взгляд переместился на собак – она старательно избегала смотреть мне в глаза. – Папа отвезет меня.

– Ну ладно, – сказала я, чувствуя себя задетой за живое. Если честно, я представляла себе, как мы все втроем ездим

по колледжам, и я в своей электронной таблице тщательно отмечаю плюсы и минусы каждого высшего учебного заведения, к которому Нола проявит интерес. Но я изобразила улыбку, хотя та скорее была кривой усмешкой. – Я могу распечатать мою таблицу. Можешь взять ее с собой, если хочешь. Я буду рада позже внести ее в компьютер.

Она подняла на меня глаза, и я проигнорировала выражение жалости, которое в них читалось. Наверно, я была похожа на Генерала Ли, когда тот сидел перед столом и клянчил кусочек.

Лицо Нолы просветлело.

– Вообще-то папа не говорил, что ты не можешь поехать с нами. Я имею в виду, если ты хочешь.

Прежняя Мелли закричала бы во весь голос: «Да!» Но то была прежняя Мелли. После всех моих фальстартов и остановок на пути к тому, чтобы стать лучшей версией себя, теперь я работала над версией Мелли № 107 или что-то типа того.

Прежде чем я успела сказать «нет», Нола меня перебила:

– Я не против, чтобы ты поехала. – Она сложила руки на груди и закатила глаза, чтобы я не подумала, что я ей там нужна. – Я имею в виду, если ты не занята или что-то в этом роде. Вы мои родители, и я знаю, что родители Олстон и Линдси тоже поедут. Было бы странно, если бы ты этого не сделала.

Я попыталась скрыть волнение в голосе, поэтому ответила

так же сдержанно, как и Нола:

– Что ж, в таком случае мне лучше поехать с вами. Мне все равно нужно поговорить с твоим отцом, а так я убью одним выстрелом двух зайцев.

Нола подняла Порги на руки и прищурилась.

– Это поговорка стариков? Или ты имеешь что-то против зайцев?

Но тут вошла Джейн и своим появлением не дала мне закатить глаза. Она, словно Санта-Клаус, тащила на плече битком набитый пластиковый мешок для мусора, из которого торчали засохшие апельсины и сухие сосновые ветки.

– Привет, Нола, – сказала она, ставя пакет на пол между нами. – Ты готова сегодня отправиться на экскурсию по колледжу?

Я посмотрела на падчерицу, но та лишь пожала плечами:

– Она знает лишь потому, что была здесь вчера, когда мы с Олстон и Линдси говорили об этом. Возможно, мы обсуждали твою электронную таблицу.

Я сердито посмотрела на свою сестру.

Нола дернула меня за рукав:

– Почему бы тебе не позавтракать? Я купила тебе фруктовые колечки. Масса рафинированного сахара и пустых калорий, как ты любишь.

Я была странным образом тронута. Нола обычно выполняла тайную миссию, ограничивая мою диету картоном и опилками, замаскированными под здоровую пищу.

– Спасибо. Но я побегу наверх, чтобы принять душ и одеться, так как у нас экскурсия по колледжу. Джейн тоже принесла пончики, но я оставлю их на потом.

Зазвонил телефон Нола.

– Экскурсия начинается только в час дня. У тебя есть три часа, – сказала Нола, скользя большими пальцами по дисплею.

Я смотрела на нее, не скрывая своего восхищения. Я едва могла набирать по одной букве за раз, и это при условии, что я полностью сосредоточилась на тексте.

Джейн смерила меня взглядом с головы до ног, и ее брови поползли вверх.

– Это может занять у нее все это время.

– Ха, – сказала я, поворачиваясь, чтобы подняться по лестнице.

– Ой, подожди! – окликнула меня Нола.

Я обернулась и увидела, как она вытащила что-то из большого кармана клетчатых пижамных штанов.

– Ты положила это на мою тумбочку?

Джейн шумно ахнула. Я прищурилась и сделала неуверенный шаг вперед, чтобы лучше разглядеть. В кои-то веки реакция Джейн заставила меня порадоваться тщеславию, которое не давало мне признать, что мне требуются очки.

– Что это такое?

Нола вытянула руку, чтобы я могла разглядеть, и я тут же пожалела об этом. На ее протянутой ладони лежала желез-

ная коробка в форме гроба, а в маленьком круглом окошке наверху виднелось желтоватое личико крошечной кукольной фигурки, лежавшей внутри. Ее глаза представляли собой нарисованные черными чернилами точки, а красный кружок означал открытый рот, как будто ее застали врасплох. Жирные выпуклые буквы на крышке гласили: СЛУШАЙ СВОЮ МАТЬ.

– Она открывается, – сказала Нола.

Я подняла руку, чтобы остановить ее, но она уже щелкнула застежкой на боку коробки. Взгляду открылась маленькая фарфоровая кукла со скрещенными на груди бледными руками. Крошечное белое тельце покоилось на ложе из старинных пуговиц из олова и перламутра.

Джейн держалась на расстоянии – она была на восемь лет моложе меня и явно лучше видела.

– Ничего омерзительнее и ужаснее я в своей жизни не видела. А ведь я повидала многое.

– Хуже, чем кукла Эдисона на твоём чердаке? – спросила Нола, имея в виду старинную говорящую куклу с раздражающей привычкой неожиданно появляться в самый неподходящий момент.

– Я бы сказала, что это ничья. И это было на твоей тумбочке?

– Ага. Я подумала, что Мелли нарочно положила это туда. Мы с Джейн переглянулись в знак взаимопонимания – мы обе тотчас вспомнили следы на снегу – и посмотрели на Но-

лу.

– Я ни разу не видела ее раньше и уж точно не стала бы ставить в твоей комнате. – Если бы я увидела ее раньше, я бы сожгла эту куклу или бросила в реку Купер. Я была ярой сторонницей игнорирования очевидного и притворялась, будто плохих вещей не существует. Пока они не вторгались в мою жизнь.

– Может, Джинни подержать ее в руке. Вдруг кукла заговорит с ней? – предложила Нола.

– Нет! – одновременно вскрикнули я и Джейн.

Джинетт Приоло, наша мать, была наделена даром – или проклятием, в зависимости от того, какую из ее дочерей вы спросите – направлять духов, держа в руках предметы. Это была одна из причин, почему она круглый год носила перчатки. Но ее сила была бы вырвана из нее на несколько недель, уложив ее в постель. По-моему, Джейн склонялась к тому же: оградить от общения с духами нашу мать было на пользу не только ее физическому здоровью, но и нашему душевному спокойствию.

Я скрепя сердце взяла у Нола куклу в гробике, осторожно держа ее большим и указательным пальцами, как если бы это был мертвый жук-пальметто.

– Она старая, так что, скорее всего, Софи знает, что это такое. Или, по крайней мере, почему она оказалась в твоей комнате. Возможно, Меган нашла ее в цистерне и, когда тебя здесь не было, принесла наверх, и ты только сейчас ее за-

метила.

Меган Блэк была аспиранткой Софи и помогала раскапывать цистерну.

– Наверное, – сказала Нола, кивая вместе с Джейн и мной, как будто мы все трое были согласны с тем, что мое предположение не годится на роль садового удобрения.

Я быстро положила коробку и ее пугающее содержимое в небольшой комод в прихожей, и когда задвигала ящик, было слышно, как пуговицы внутри гробика шуршат, словно копошащиеся насекомые.

– Спасибо за пончики и кофе, Джейн. Увидимся, когда ты вернешься домой с близнецами.

– А ты пообещай мне, что съешь хотя бы один пончик.

– Обещаю, что постараюсь. И даже ложку фруктовых колечек. Мне нужны фрукты.

– Ты же знаешь, что во всей этой коробке нет настоящих фруктов? – спросила Нола.

Я пожала плечами и прислушалась к бою старых напольных часов в гостиной.

– Мне лучше поторопиться, у меня на сборы всего два с половиной часа.

Нола, как всегда, закатила глаза, но я, сделав вид, будто этого не заметила, торопливо прошла мимо нее. Но, поднимаясь по лестнице, остановилась, представив мысленным взором отвратительное лицо куклы в гробике и статью Сьюзи Дорф. Одна строчка как будто вспыхнула в моем мозгу нео-

новым светом: неназванный источник сообщил мне, что там скрыто больше секретов. Кто бы это мог быть? И откуда ему знать, какие секреты еще ждут своего часа? Я вцепилась в перила и, решительно стиснув зубы, продолжила подниматься по лестнице. Мне было все равно. В моем саду за домом мог быть спрятан Ковчег Завета, но мне было все равно.

Я обещала своей подруге Веронике, что помогу ей выяснить, кто более двадцати лет назад убил ее сестру Адриенну. Но потом у меня опустились руки. Помимо эмоционального благополучия наших детей во время нашей с Джеком размолвки, меня заботило только одно: как вернуть Джека. А беспокойные мертвецы и их следы на снегу пусть поищут себе другую жертву.

Глава 2

Родители Линдси, Вероника и Майкл, подвезли нас на своем внедорожнике. До кампуса Чарльстонского колледжа идти было недолго, – что было хорошо или плохо, в зависимости от того, кого вы спрашивали, – но улицы все еще были слякотными.

Олстон сидела в третьем заднем ряду вместе с Линдси, поэтому мы с Нолой проскользнули в средний ряд. Поздоровавшись со всеми, я спросила:

– Где Сесили и Кэл?

– Папа прихворнул, и мама осталась с ним дома, – ответила Олстон и расплылась в хитрой улыбке. – Мы подумали, что с вами и вашей электронной таблицей они ничего не пропустят.

Я ее почти не слышала, натужно пытаюсь придумать способ как бы невзначай спросить про Джека – так, чтобы показаться заинтересованной, но чтобы это не прозвучало слишком жалко. Я принялась возиться с ремнем безопасности, и в этот момент сидевшая на переднем сиденье Вероника повернулась ко мне.

– Там нас встретит Джек, – сказала она, как будто прочитав мои мысли.

Она ободряюще улыбнулась и похлопала меня по колену, а затем снова посмотрела вперед.

– Рад вас видеть, Мелани, – сказал Майкл, взглянув на меня с водительского сиденья. – Вот уж не знал, что это торжественное мероприятие, иначе я бы тоже надел выходной костюм.

Я посмотрела вниз, словно хотела напомнить себе, что надела пятнадцать минут назад.

– Вот это? – спросила я, имея в виду облегающее красное кашемировое платье с глубоким вырезом и жакет в тон. – Это всего лишь старая вещь, которую я вытащила из шкафа. Ничего особенного.

Нола фыркнула, без сомнения, вспомнив груды платьев, раскиданных по моей спальне, где я стояла, подбоченившись, напоминая жертву чумы.

– Как ваши дела? – спросила я, пытаюсь перевести разговор в безопасное русло. Я также изо всех сил старалась быть любезной. Я дружила с его женой Вероникой, но никогда не чувствовала теплоты и пушистости, общаясь с Майклом. Вероятно, по той причине, что он был категорически против так называемой одержимости жены убийством сестры. Он утверждал, что оно достигло нездорового уровня, и теперь руководил процессом продажи их старого викторианского дома на Куин-стрит, чтобы они все могли переехать

куда-нибудь еще. В этом доме прошло детство Вероники и Адриенны, и он по-прежнему был полон воспоминаний и памятных вещей обеих сестер. И дух одной из них пока не был готов покинуть его стены.

Майкл вырулил на Трэдд-стрит.

– Хорошо. Просто устал от всех этих рабочих. Ваша подруга Софи постоянно присылает их чинить в доме вещи, хотя я даже не подозревал, что они сломаны. Не будь она уважаемым профессионалом и вашей подругой, я бы сказал, что она нарочно пытается оттянуть продажу дома.

Я заметила, как напряглись плечи Вероники. Мы обе знали: именно это и пыталась сделать Софи – оттянуть продажу дома до тех пор, пока я не выясню, почему Адриенна все еще здесь и что она хочет поведать нам о том, что с ней случилось.

– Софи крайне методична. Взять, к примеру, меня. Я ремонтирую свой дом на Трэдд-стрит с тех пор, как получила его в наследство. Чтобы сделать все правильно, нужно время. – Я едва не прикусила язык: сколько раз в процессе реставрации я заявляла, что из дома получился бы великолепный костер.

– Это слабое утешение, Мелани, – сказал Майкл, примирительно улыбнувшись в зеркало заднего вида. Я улыбнулась в ответ, хотя и знала, что моей улыбке не хватает искренности.

Покружив по улицам минут десять, мы, наконец, нашли

парковку, и я поймала себя на том, что мне страшно не хватает Джека. Хотя бы потому, что в том, что касалось парковки в центре Чарльстона, у него имелся магический дар. Ему достаточно было проехать по улице, и место для парковки волшебным образом появлялось именно там, где ему было нужно.

От одной только мысли о Джеке у меня на глазах навернулись слезы, и я отвернулась к окну, чтобы никто их не заметил. Это было смешно, правда. Я, мать троих детей и успешная в своей профессии женщина. Я несколько раз имела дело с очень страшными призраками и, как видите, до сих пор жива. У меня не было причин полагать, что я не смогу пережить уход Джека с достоинством, и имела смелость верить, что наша разлука была временной. Более того, я не сомневалась, что найду способ вернуть его. И все же я по-прежнему каждый день просыпалась с желанием остаться в постели, свернуться в клубок и плакать, пока Джек не сжалится надо мной и не вернется ко мне.

Мы вышли из машины и зашагали по Джордж-стрит к сторожке Портерс-Лодж. Небольшое здание в стиле классического Возрождения напоминало римскую триумфальную арку и, согласно тщательному исследованию, которое я провела накануне вечером в Интернете, служило фактическим входом в кампус. Располагалось оно в конце пасторального Цистерн-Ярда перед величественным, украшенным колоннами Рэндольф-Холлом, местом проведения весенней выпуск-

ной церемонии с ее белыми платьями, красными розами на длинных стеблях и белыми смокингами с бутоньерками из красных роз вместо мантий и плоских шапочек. Олстон на протяжении всей поездки трещала об этом без умолку, и я невольно задалась вопросом. Отдавала ли она себе отчет в том, что на самом деле ей придется изучать и чего ей нужно достичь в колледже, прежде чем она доберется до этого момента?

Я шла с беспечным видом, стараясь не думать о встрече с Джеком, первой за почти четыре недели. Или о том, что я понятия не имела, что должна сказать ему. Будь у меня возможность обменять свою способность разговаривать с мертвыми на умение разговаривать с Джеком, я бы так и поступила. Хотя я до сих пор так и не убедила себя в том, что могла бы поступить иначе. Или же, как постоянно напоминала мне противная, навязчивая мысль, в этом и была суть проблемы.

Нола шла впереди нас и вскоре, свернув налево в среднюю арку, исчезла из вида. Я поспешила за ней, думая, что она заметила Джека, но остановилась, увидев, что она стоит под одним из древних живых дубов, разбросанных по всему Цистерн-Ярду, и смотрит в свой телефон.

Борясь с разочарованием, я повернулась, чтобы подождать остальных, но вместо этого оказалась лицом к лицу с Джеком. Он стоял в трех футах от меня, небрежно прислонившись к дереву, как будто регулярно видел свою бывшую жену. Моим первым порывом было сделать шаг вперед и об-

нять его, однако я сдержалась. Во-первых, следом за мной шли остальные. Во-вторых, я была уверена, что Джеку не понравятся мои объятия. Вряд ли бы я пережила, если бы он оттолкнул меня во второй раз.

– В красном? – спросил он вместо приветствия. Его взгляд не выдавал никаких чувств. Я надеялась, что он помнит, как я ему нравилась в красном и как красное платье сыграло важную роль в зачатии близнецов.

Мне потребовался момент, чтобы найтись с ответом, который бы не прозвучал жалко или как-то умоляюще. Оба уже были опробованы и в равной мере потерпели неудачу, поэтому мне требовалось нечто новое. Я сглотнула.

– Я надеялась, что в нем я не замерзну. – Я преувеличенно вздрогнула.

Уголок его рта поехал вверх, и мое сердце сжалось, как обычно, когда я бывала с ним рядом.

– Почти семьдесят градусов, Мелли. Ты единственный человек, кого я знаю, который думает, что семьдесят градусов – это мороз.

Он оттолкнулся от дерева и сделал шаг мне навстречу.

– Ты хорошо выглядишь.

Хотя я молча поздравила себя с тем, что приложила дополнительные усилия к своему внешнему виду, включая бритье ног и выщипывание бровей, которым позавидовало бы большинство оборотней, я ждала, что он скажет больше. Я скучаю по тебе. Я не могу жить без тебя. Я хочу вернуться.

Когда в ответ на мое молчание выражение его лица сделалось обеспокоенным, я выпалила:

– А ты в голубой рубашке.

Либо у меня случился инсульт, либо неловкость Джейн в присутствии привлекательных мужчин неким образом ухитрилась привязаться и ко мне. Глаза Джека полезли на лоб.

– Пап! – крикнула Нола, подбегая к нам, и бросилась в отцовские объятия. Впрочем, она быстро отступила назад, чтобы показать всем, что она уже не маленькая. Скажу честно: я была готова поменяться с ней местами.

После приветствий и рукопожатий мы всей нашей компанией повернулись к Портер-Лодж с ее тройной аркой и дорическими колоннами. Барельефом – этот термин я узнала от Софи – по верху средней арки выделялись греческие буквы.

Я порылась в сумочке в поисках тщательно исписанных заметок, спрятанных рядом с распечатанной таблицей, но, прежде чем я успела их открыть, Джек сказал:

– Познай себя.

– Не думала, что ты знаешь греческий, – сказала я.

Его холодные голубые глаза остановились на мне.

– Ты многого обо мне не знаешь, Мелли. – Он помолчал, затем наклонился ближе. – Ты не единственная, кто знает, как пользоваться Гуглом. – Он было шагнул мимо меня, но остановился и оглянулся с легкой улыбкой на лице. – Я рад, что ты решила захватить электронную таблицу. В списке Нола около двадцати колледжей, и нам без твоей таблицы как

без рук.

Я застыла в неподвижности, глядя на него и гадая, сказал ли он мне что-то приятное и стоит ли мне попросить его повторить это для верности. Джек посмотрел на меня, не двигаясь, словно ожидал, будто что-то произойдет, затем кивком указал на ушедшую вперед группу.

– Ой! – пролепетала я, ощущая себя неуклюжей школьницей, которую пригласили в столовой присоединиться к столу с самыми популярными девочками.

Мы шли немного позади всех, но Нола время от времени оглядывалась на нас через плечо.

– С тебя сняли гипс, – заметила я, пытаясь завязать разговор, но тут же пожалела о выборе темы.

– Угу. Сняли. Приятно, что это конкретное напоминание наконец-то удалено. – Он сунул руки в карманы. – Нам нужно поговорить.

Мое сердце екнуло.

– Рада слышать, что ты это говоришь. Я полностью согласна. Мы так многое должны сказать друг другу. – Я подавила внутреннюю осторожность и вместо этого напомнила себе, что Джек только что сделал мне комплимент. Как будто это вообще что-то значило. – Я скучаю по детям, когда они не со мной, – выпалила я. – И я знаю, они тоже хотят, чтобы мы были вместе. Я держу твой комод и твою сторону шкафа пустыми, так что это не должно...

– Я про Марка и его фильм, – перебил он меня.

– Ах да. Верно. – Я попыталась скрыть разочарование и, сглотнув, перевела свои мысли в другое русло. – Джейн пришла ко мне сегодня утром, чтобы сказать, что Ребекка и Марк хотят назначить нам встречу. Он знает о сделке, предложенной через нашего адвоката.

– Знаю. Вчера я столкнулся с Ричем Кобилтом в хозяйственном магазине, – сказал он, имея в виду сантехника/разнорабочего, который трудился у нас с тех пор, как я унаследовала дом на Трэдд-стрит. Надежный и трудолюбивый, он также был наделен сомнительным достоинством в виде обладания шестым чувством. – Рич выполнял кое-какую работу для Марка и Ребекки и подслушал разговор Ребекки с Джейн. Он подумал, что нам лучше это знать. Он также считал своим долгом сказать мне, что мы не должны подпускать Марка к нашему дому ближе чем на длину футбольного поля.

Я подняла брови, слегка удивленная словом «наш» перед словом «дом». Если он все еще считал его нашим, то, по моим же расчетам, еще не все потеряно.

– Я не мог в это поверить, – сказал Джек.

– В то, что они хотят встретиться с нами?

– Нет, что Рич Кобилт высказал свое мнение, как будто он член семьи.

– Он почти им является. Он практически живет в доме столько же лет, сколько и я, и именно он убедил Нолу не красить волосы в синий цвет, помнишь?

Джек выгнул бровь.

– Еще бы, помню.

– Джейн сказала, что они хотят встретиться в моем офисе... на нейтральной территории. Мы выбираем день и время.

– Ни в какой встрече нет нужды, Мелли. У нас есть средства, чтобы бороться с ним в суде, если потребуется. У нас сейчас есть деньги. Единственная причина, по которой я хотел бы встретиться с Марком, – это сказать ему, куда он может засунуть свой фильм, но я могу сделать это и по телефону.

– И ты не думаешь, что хотя бы один из нас должен встретиться с ними, послушать, что они скажут?

– Если честно, не знаю. – Он с прищуром посмотрел на меня. – Если только ты все равно не собираешься с ними встречаться?

Я хотела было уклониться от его вопроса, но потом вспомнила, что именно так поступила бы Мелли Версия 106. Я скинула подбородок.

– Почему бы нет? Тем более что мне все равно пора в офис. Я уже давно не появлялась на работе.

Мне показалось, будто я увидела проблеск сострадания в его глазах, но, увы, он быстро исчез.

– Делайте что хотите, но меня там не будет. – Он взбежал по ступенькам в здание приемной комиссии, где наша экскурсия должна была начаться с официальной презентации,

и остановился наверху, чтобы придержать для меня дверь. За это время я успела проглотить ком в горле и вернуть себе самообладание. Когда я проходила мимо него, он коснулся моей руки, и я замедлила шаг. Мое сердце наполнилось надеждой, но моя голова отказывалась в это поверить.

– И все же нам нужно поговорить. О нас. Мне просто нужно чуть больше времени. Я все еще так зол на тебя, что едва могу ясно мыслить. Я никогда не думал, что смогу хотеть кого-то так сильно, как тебя, и в то же время не желать видеть тебя снова. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я невольно вспоминаю, как ты предала мое доверие. Это трудно забыть.

Я изумленно ахнула:

– Ты все еще хочешь меня?

Он наклонил голову и усмехнулся:

– О, Мелли! Ты определенно слышишь лишь то, что хочешь услышать. Да, я все еще хочу тебя. Но все не так просто.

Я хотела было возразить ему, но он прижал руку к моей спине и повел меня в просторную комнату, где демонстративно сел между Вероникой и Нолой, лишь бы только не сидеть со мной рядом.

* * *

После презентации нас повел по кампусу студент бакалавриата по имени Алекс – высокий, темноволосый, красивый. Олстон и Линдси было не узнать – они хихикали и ста-

рались обратить на себя его внимание. И куда только подевались умные и серьезные девушки, какими я их знала?

Нола была более осмотрительна, поскольку Купер, старший брат Олстон, он же старший курсант Цитадели, собирался после выпуска в мае переехать в Калифорнию, чтобы продолжить карьеру в области авиационной инженерии. Технически они не встречались – в основном из-за разницы в возрасте, – но им действительно было хорошо вместе. Купер даже помог нам разрешить загадку цистерны, да и Джеку он нравился. Но было одно «но»: Нола все еще училась в школе, а Купер уже был готов оставить свой след в этом мире. Она проплакала целых два дня, прежде чем сумела стряхнуть с себя печаль и посмотреть со мной коллекцию DVD с рождественскими фильмами, которую она мне подарила.

Не знаю, что тому причиной – то ли мое утешительное присутствие, то ли ее неспособность принять еще один счастливый конец, но она нашла в себе силы одеться и снова выйти из дома. Возможно, человеку с разбитым сердцем просто нужно побыть с другим человеком с разбитым сердцем, чтобы понять: упиваться жалостью к себе любимой – бесполезно. По крайней мере, для нее это сработало. Я же осталась на диване и досмотрела всю коллекцию, но и это не помогло.

Когда Алекс объявил, что экскурсия включает в себя посещение одного из общежитий, Джек сказал:

– Думаю, эту часть мы можем пропустить. Мы уже реши-

ли, в каком общежитии ты будешь жить, если в конечном итоге поступишь сюда.

– «Мы»? – с нажимом произнесла Нола.

– Да, «мы». Люди, которые будут оплачивать твоё обучение. Их мнение – единственное, что имеет значение.

Я украдкой взглянула на него. Меня мучил вопрос, включил ли он в эти «мы» и меня, но по выражению его лица и лица Нола решила, что сейчас не лучшее время спрашивать.

– Но что, если мне там не понравится?

– Не имеет значения. Это единственное женское общежитие. Так что можешь поселиться там. Или жить дома. Выбор за тобой.

Нола посмотрела на него так, будто её только что отправили в женский монастырь в Сибири. Она остановилась и сложила руки на груди.

– Это несправедливо!

Джек зашагал дальше.

– Ещё как справедливо! Я предложил тебе два отличнейших варианта. Знаешь, сколько людей отдали бы все на свете, лишь бы жить в историческом доме в Чарльстоне?

Нола закатила глаза, а в следующий момент к нам присоединились Олстон и Линдси.

– Если там будут спальни на трёх человек, чтобы мы могли жить втроем, то меня это устраивает, – сказала Олстон.

– Что это за общежитие? – спросила Линдси, открывая папку, которую нам вручили на презентации.

– Буист Риверс, – с энтузиазмом ответил Джек.

– Хм, – сказала Нола. – Оно такое старое. А еще оно единственное во всем кампусе с туалетом в коридоре. Нет, спасибо.

Я вытащила свою таблицу.

– На самом деле не такое оно и старое, Нола. Оно было построено в 1963 году, но с тех пор его капитально отремонтировали.

Нола сморщила нос:

– Как я уже сказала, оно старое. С тем же успехом я могу жить и дома.

– Как я уже говорил, это можно устроить, – сказал Джек, когда мы остановились рядом с экскурсионной группой, собравшейся перед Студенческим центром имени Стерна, внушительным зданием из кирпича и стекла.

Алекс начал рассказывать о «потрясающем» выборе еды в кафетериях кампуса. Но даже его упоминание о веганских блюдах было бессильно развеять хмурое настроение Нолы.

Вероника подошла и обняла Нолу.

– У тебя появятся морщины, если ты продолжишь так хмуриться, – легко сказала она, встретив через плечо Нолы мой взгляд. – Что теперь не так?

Я пожала плечами:

– У Джека есть «мнения» о жилищных условиях Нолы.

Нола театрально вздохнула:

– Если я решу поступить в Чарльстонский колледж, то у

меня есть выбор: либо жить в единственном женском общежитии, либо жить дома.

Вероника замерла, улыбка сползла с лица.

– Что это за общежитие?

– Буист Риверс. Оно такое древнее. Квартыры в Келли Хаус новее и намного лучше. И они розовые. – Она посмотрела на затылок Джека. – Но папе, похоже, все равно, чего хочется мне.

Нола отошла и встала вместе с Линдси и Олстон впереди, рядом с Алексом. Ноздри мне щекотал слабый запах «ванильного мускуса». Я тотчас поняла, почему настроение Вероники так резко изменилось.

– Это было общежитие Адриенны? – тихо спросила я. Это был запах духов ее сестры, верный признак того, что Адриенна была где-то рядом.

Вероника кивнула.

– Комната номер 210. Ее тело было обнаружено в каморке вахтера на том же этаже.

– Может, нам лучше пропустить эту часть экскурсии? – предложила я.

– Вряд ли осмотр этого общежития входит в экскурсию, но я надеялась, что мы все равно сможем попасть внутрь. Вдруг Адриенна захочет показать тебе кое-что.

– Я действительно не...

– О чем вы там шепчетесь? – Майкл наклонился между нами. – Вы нашли в электронной таблице Мелани противо-

речивые данные? Или колонка слишком широкая?

Вероника повернулась и без улыбки посмотрела на мужа.

– Нет, Майкл. Мы обсуждали общежитие Буист Риверс.

Майкл сделал удивленные глаза.

– Общежитие Адриенны, – пояснила Вероника.

– Понятно, – сказал он и, тяжело вздохнув, посмотрел себе под ноги. – Оно включено в экскурсию? Думаю, нам не нужно заходить внутрь.

– Нет, оно не включено. – Вероника на миг умолкла. – Просто я хочу вместе с Мелани попробовать зайти туда и осмотреться. Держу пари, мы найдем кого-нибудь, кто впустил бы нас внутрь.

Я была удивлена, увидев на лице Майкла смирение, а не злость или неприятие, которых я ожидала. Все наши предыдущие разговоры на тему выяснения того, что случилось с Адриенной, закончились скверно. Возможно, тот факт, что Вероника наконец согласилась продать семейный дом, стал той оливковой ветвью, в которой он так нуждался. Или же водой, залившей огонь. Хотя пламя и погасло, я была уверена, что все еще чувствую пар.

– Хорошо, – сказал он. – Но только вы двое. Я не хочу участвовать в этой чепухе, Мелани. Мне все равно, действительно ли вы разговариваете с мертвыми или просто притворяетесь. Делайте, что вам нужно, а затем снова присоединяйтесь к нам. Я остаюсь с Джеком и девочками.

Он зашагал прочь, но затем на мгновение обернулся, по-

смотрел на Веронику, покачал головой и пошел дальше. Я поискала глазами Джека. Заметить его не составило труда: он и Майкл были самыми высокими в группе. Он стоял позади Нолы, но, подняв брови, смотрел на меня.

– Вы сообщите Джеку, Майкл?

Он, не оборачиваясь, кивнул, и мы с Вероникой направились к старому общежитию Адриенны. Чем ближе мы подходили, тем тяжелее становился запах «Ванильного мускуса».

– Чувствуешь? – спросила я.

Вероника покачала головой:

– Это ее духи? Раньше, после ее смерти, я часто чувствовала этот запах, но теперь не так сильно.

Я кивнула и подняла взгляд на коричневое оштукатуренное здание.

– Какое оно уродливое. Я бы тоже не хотела здесь жить.

Я повернулась к Веронике, чтобы узнать ее реакцию, но она, склонив голову набок, смотрела на стеклянные входные двери.

– Здесь многое изменилось с тех пор, как я была здесь... последний раз.

– Когда это было?

Она посмотрела мне в глаза:

– Когда я пришла, чтобы собрать ее вещи после того, как... после. Я думала, что мне придется делать это в одиночку, потому что мои родители не могли этого вынести, но Майкл пришел мне на помощь. Без него я бы не справилась.

– Как жаль, что она заперта, – сказала я, дергая за ручку, готовая развернуться и уйти.

В этот момент подошли двое студенток, обе нагруженные рюкзаками, слишком занятые своим разговором, чтобы обращать на нас внимание. Одна из девушек провела по замку удостоверением личности, и они обе вошли. Но прежде чем дверь успела закрыться, Вероника протянула руку и придержала ее для меня.

Она стояла у открытой двери. Я на мгновение замешкалась.

– Я знаю, как это тяжело для тебя, Мелани. И мне неловко просить тебя сейчас, когда у тебя полно своих забот. Но я чувствую срочность, какой я никогда не чувствовала раньше. У Адриенны осталось совсем мало времени. – Она умолкла, и по ее лицу промелькнуло странное выражение. – Я не могу вновь ее подвести.

Прежде чем я успела спросить, что она имеет в виду, к двери с пропуском в руке подошла другая жиличка. Мы с Вероникой вошли в вестибюль и придержали для нее дверь, после чего дали ей закрыться за нами.

Я едва не задохнулась от запаха ванильного мускуса. Более того, я поймала себя на том, что меня тошнит, как будто его влили мне в горло и брызнули в ноздри. Вероника достала из сумочки чистую салфетку и протянула мне.

– С тобой все в порядке?

Я подняла руку и кивнула:

– Через минуту. – Я указала на свою сумочку.

Вероника взялась открывать ее и в конце концов вытащила маленькую бутылочку с водой, которую я всегда носила с собой. Когда же она заметила мой набор «на всякий случай», в который, помимо всего прочего, входил небольшой баллончик с универсальной смазкой WD-40, контейнер с дезинфицирующим средством для рук, газовый баллончик «Мейс» и пара плоскогубцев, ее глаза полезли на лоб. Не говоря ни слова, она открутила крышку бутылки и протянула мне воду.

– Спасибо, – сказал я, залпом выпив полбутылки. – Это была...

– Адриенна?

Я кивнула:

– Я думаю, она пыталась привлечь мое внимание. – Я окинула взглядом пустынный вестибюль со стерильной мебелью и флуоресцентными лампами под потолком. – Это сработало.

Я застыла неподвижно, ожидая, пока рассеется запах «Ванильного мускуса».

– Ты слышала?

– Что именно?

– Эту музыку?

Вероника покачала головой:

– Нет. Но мы же в общежитии колледжа, так что ничего необычного в этом нет.

– Согласна, но это старая песня. Не то, что будет слушать современная молодежь. Нола скорее предпочла бы обрить голову.

– Думаешь, это Адриенна?

– Не знаю. Но я думаю, что должна выяснить, откуда она исходит. – Я подошла к лифту и нажала кнопку. – Комната номер 210?

Вероника кивнула, ее лицо было белым как мел.

– Можешь остаться здесь, если хочешь. Сомневаюсь, что смогу попасть в комнату, так что это не займет много времени.

– Я в порядке. Честное слово. Просто сейчас все не так... как раньше.

Дверь открылась, и мы вошли в лифт.

– Его отремонтировали, помнишь? Так что все будет не так.

Мы вышли на втором этаже, и Вероника свернула направо. Я шла следом за ней, хотя в этом не было необходимости. По мере того как мы шли, музыка звучала все громче, а запах духов Адриенны вновь вернулся. Мы одновременно остановились перед выкрашенной в белый цвет дверью, рядом с которой на стене был прибит черный номер 210. Сама дверь была густо покрыта картинками талисманов женского студенческого сообщества и греческими буквами. По обеим сторонам двери на ламинированном картоне красивой каллиграфией были выведены имена жильцов.

Вероника печально улыбнулась:

– Все точно так же, как когда Адриенна жила здесь. Просто другие имена.

Песня теперь звучала на таком зашкаливающем уровне децибел, что я была уверена, что Вероника ее слышала. Я было открыла рот, чтобы спросить ее, но тут дверь распахнулась и музыка резко оборвалась.

Молодая женщина – то ли Джессика, то ли Рэйчел, судя по приметам, – отступила назад. Ее удивление мгновенно сменилось тревогой. Она сняла наушники, но металлический ритм рэп-песни продолжил звучать. Я уставилась на наушники. То, что слушала эта юная женщина, определенно не было той музыкой, которую слушала я.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила она.

Вероника шагнула вперед.

– Мы знали одного человека, который раньше жил в этой комнате. Мы просто надеялись заглянуть внутрь...

Джессика/Рэйчел в упор посмотрела на нас и покачала головой:

– Как вы сюда попали? Я вызываю охрану.

Она вошла в комнату, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы я смогла заглянуть внутрь и увидеть по обеим сторонам крошечного пространства две узкие двухъярусные кровати, застеленные одинаковыми пестрыми одеялами, после чего дверь захлопнулась у нас перед носом.

– Пойдем, – сказала Вероника, дернув меня за руку, и мы

быстро зашагали по коридору к лифтам. Она остановилась перед дверью и повернула ручку. – Заперто. Но ее нашли именно здесь. Ты что-нибудь чувствуешь?

Я закрыла глаза, но ничего не услышала и покачала головой:

– Извини.

Когда внизу дверь лифта открылась, мы поспешили через вестибюль к выходу, то и дело оглядываясь через плечо, нет ли рядом охранника.

– Адриенна была там? – спросила Вероника, когда мы благополучно вышли наружу.

– О да. Она определенно там была. Я чувствовала запах ее духов. И я наконец-то вспомнила название той песни, которую все время слышала, и теперь не могу выкинуть ее из головы. Она из разряда тех прилипчивых песен, которые, стоит их услышать, будут крутиться в голове снова и снова, и, как ни старайся, их невозможно забыть. Кстати, песня старая, кажется, начала восьмидесятых. Моя соседка по комнате на первом курсе была одержима музыкой восьмидесятых, и особенно этой песней, и крутила ее снова и снова.

– И что это за песня?

– «О, Супермен».

Вероника внезапно остановилась, ее лицо побледнело.

– Лори Андерсон?

– Ты ее слышала? Но как?

– Она была на компакт-диске, который был в плеере Ад-

риенны, когда ее нашли. Однако мы так и не поняли почему. Она ненавидела эту песню.

– Странно, – сказала я.

– Что она ненавидела эту песню?

– Нет, все ненавидят эту песню. Я имела в виду, странно, что песня не только была в ее плеере, но что с ее помощью она заманила меня наверх в свою комнату в общежитии. Это должно что-то значить.

Мы присоединились к остальной группе. Я заметила Джека, и мое сердце сделало свое обычное сальто, однако тотчас же упало, стоило мне вспомнить, что между нами по-прежнему разлад и он не вернется домой вместе со мной.

Он проводил нас до внедорожника Фарреллов и подождал, когда Нола села внутрь. Не имея заранее отрепетированных слов, я молчала, хотя и желала что-то сказать.

– Джек...

Он пристально посмотрел на меня, и мне стоило невероятных усилий не броситься ему на шею. Я поймала себя на том, что наклоняюсь к нему, потому что он мягко положил руки мне на плечи, не давая мне упасть.

– Да, Мелли?

– Ты оставил в шкафу полку со спортивными штанами и худи. Поэтому я их все развернула, перерыла и сорвала с полки сделанную мною же этикетку.

Его губы дрогнули, а в глазах промелькнул намек на так хорошо мне знакомый лукавый блеск.

– Ну, это прогресс. Поздравляю. – Он наклонился мимо меня, чтобы попрощаться с другими пассажирами внедорожника, а затем отступил назад. – До свидания, Мелли, – сказал он с улыбкой, затем развернулся и зашагал прочь. Я уже начала ненавидеть эти слова.

Я забралась во внедорожник, села, а когда пристегивала ремень безопасности, почувствовала что-то у себя за спиной. Пошарив рукой, я вытащила красную подушку в форме сердца. Даже не рассматривая ее, я знала: это подушка Адриенны с мелкими аккуратными стежками и оборкой по краю. Я нашла ее в коробке с вещами Адриенны на чердаке Вероники. У подушки имелась странная привычка неожиданно появляться в любом месте, независимо от того, куда ее положили в последний раз. Подняв глаза, я поймала на себе взгляд Вероники. К счастью, Майкл выруливал на улицу и его взгляд был сосредоточен на дороге. Вероника вопросительно подняла брови.

– Позже, – одними губами произнесла я и положила подушку в сумочку. Оставшуюся часть короткой дороги до дома я смотрела в окно, и все время то, что сказала Вероника, когда мы были в общежитии, эхом отзывалось в моей голове: «Я не могу подвести ее еще раз».

Надо будет спросить у нее, что она имела в виду. Вернувшись домой, я заперлась в ванной и дала волю слезам, но так, чтобы Нола меня не услышала. После чего начала новую электронную таблицу, чтобы помочь себе самой разобраться

с проблемой, хотя я понятия не имела, с чего начать.

Глава 3

Я сидела за кухонным столом с ноутбуком, открытым для новой пустой электронной таблицы под заголовком Мелани Версия № 107. «Сто семь» было лишь моим предположением – реальное число, вероятно, было гораздо большим, – но пока я была готова признать лишь то, что число моих фальстартов, попыток стать улучшенной версией себя любимой уже было по меньшей мере трехзначным.

Вверху каждого столбца были проставлены дни недели, но описание дел было заполнено только в одной строке. «Одеться». В колонке «четверг», то есть сегодня, была напечатана единица. Вот уже почти тридцать минут курсор мигал слева от второго ряда.

Я сделала еще один глоток кофе и поморщилась. Миссис Хулихан и ее превосходное умение варить кофе вернутся лишь в понедельник. Я поставила кружку и, неохотно подняв руки, заставила их напечатать «утренняя пробежка». Джейн каждый день звонила мне, предлагая возобновить наши с ней утренние пробежки, но, как бы тяжело мне ни было, я еще не настолько ненавидела себя, чтобы до наступления рассве-

та выползти из постели, натянуть на себя что-то, что толком меня не согреет, а затем куда-то бежать.

Впрочем, считалось, что это мне на пользу. К тому же это было нечто такое, что я могла делать на пару с моей сестрой. И это заставило бы меня выйти из дома и не думать постоянно о том, как он пуст. В общем, все то, что новой Мелли нужно было принять, чтобы стать улучшенной версией себя. Правда, мне казалось, что я смогу получить те же преимущества, поговорив с Джейн за чашечкой кофе с пончиками.

К сожалению, Джейн не разделяла моих взглядов и велела мне выбрать понедельник или вторник, чтобы нам возобновить пробежки, что было сродни тому, как если бы вам предложили выбрать день, когда вы подставите шею под нож гильотины.

Нола вошла в кухню, волоча за собой рюкзак. Три собаки вбежали следом за ней и помчались к своим мискам, которые я наполнила накануне вечером. Ей никогда не стать жаворонком. Я уже сделала мысленную пометку, что, когда в первый год ее обучения в колледже я помогу ей спланировать занятия, те не должны начинаться раньше десяти. Я гнала от себя мысль, что, когда Нола поступит в колледж, ей может не понадобится моя помощь в организации ее жизни. Мне и так было тяжело на душе.

Заметив меня, она резко остановилась.

– Ты второй день подряд в настоящей одежде, и волосы у тебя чистые. Кто ты такая и что ты сделала с прежней Ме-

лани?

– Очень смешно. Я решила, что пора вернуться к работе. Я даже приняла душ.

– Рада за тебя, – сказала Нола без малейшего намека на сарказм. – Над чем ты работаешь? – Она указала на ноутбук.

Прежде чем я успела закрыть крышку, она встала позади моего стула.

– Просто небольшая рабочая таблица по психическому здоровью. Пытаюсь быть лучшей версией себя и все такое прочее, – сказала я, как попугай повторив то, что Джейн и Софи пытались мне вдолбить. – Попытка выяснить, чего мне не хватает.

Нола заглянула мне через плечо.

– Вот это да, Мелани. «Одеться» и «утренняя пробежка». Будь осторожна, не замахивайся слишком высоко.

Я послала ей испепеляющий взгляд.

– Джейн посоветовала начать с малого, с выполнимых целей.

Нола открыла холодильник, достала бутылку густого зеленоватого сока и сделала глоток. Я не стала напоминать ей, что в этом доме пользуются стаканами, потому что никто в здравом уме все равно не захочет пить эту бурду.

– Тогда давай добавь в список слово «дышать». И «реорганизовать то, что уже было организовано десять раз».

– Ты не опоздаешь в школу?

Она распахнула дверь кладовой и достала вегетарианский

батончик. Сняв обертку с того, что напоминало маленький кирпичик грязи, она откусила кусок.

– Сегодня нас подвозит миссис Рэвенел, и она как всегда опаздывает, так что у меня в запасе есть добрых десять-пятнадцать минут. – Нола вновь подбородком указала на ноутбук. – Это как-то связано с моим отцом?

Мне пришлось напомнить себе, что ей не только шестнадцать, но и что Джек – ее отец.

– В некотором роде, – призналась я.

Она опустилась на стул напротив меня, и мне стоило немалых усилий не поперхнуться от мерзкого запаха вегетарианского батончика, который она поглощала с видимым удовольствием.

– Знаешь, Мелани, я сомневаюсь, что для папы важно, бегаешь ты по утрам и даже одета ты или нет. Он любит тебя – со всеми твоими недостатками. Он даже считает, что это довольно круто, что ты разговариваешь с мертвыми и что Сара, похоже, унаследовала от тебя этот дар. – Она задумчиво откусила от своего батончика. – Мне кажется, проблема не в том, чтобы, не спросив его, переложить вещи в ящике его стола или наклеить этикетки на полки в шкафу. Дело скорее в том, что хотя вы женаты, ты все равно думаешь, что каждый из вас существует сам по себе. Что он твой партнер не во всем. Ты так боишься услышать «нет», что вместо того, чтобы обсуждать проблему, ты идешь и, невзирая на последствия, делаешь все по-своему.

Я посмотрела на нее, готовая возразить, сказать, что она неправa, потому что мои действия никогда не ставили своей целью уловки или откровенную ложь. Что мною двигало исключительно желание защитить Джека и всех, кого я люблю. Но я не могла найти нужных слов, чтобы опровергнуть то, что она только что сказала. Возможно, мне просто требовалось больше кофе.

– Ты сама это придумала? – спросила я.

Она покачала головой, соскользнула со стула и встала.

– Не-а. Я подслушала разговор папы с бабушкой и дедушкой. Это почти дословно. – Она улыбнулась и откусила еще кусочек от своего батончика.

– Ты работаешь сегодня после школы? Я могу забрать тебя и отвезти домой, чтобы твоему дедушке не пришлось этого делать.

С прошлого лета Нола по несколько часов в неделю помогала моим свекру и свекрови в их антикварном магазине – вела веб-сайт, сидела за кассовым аппаратом и изучала антикварный бизнес и сам антиквариат. С тех пор как ей подарили старинный кукольный домик, – не самый лучший выбор, как мы потом узнали, – Нола питала болезненное пристрастие ко всему, что принадлежало людям, которые больше не ходили по этой земле.

Я, конечно, не разделяла этого увлечения, но как только Джек согласился, что она уже достаточно взрослая, чтобы работать полдня, Нола пошла работать в антикварный магазин

Тренхольмов и, похоже, получала от этого не меньшее удовольствие, чем от сочинения музыки.

По крайней мере, до недавнего времени, пока там не появился новый сотрудник, – похоже, по словам Нолы, большой любитель командовать, хотя был нанят, чтобы помогать с тяжелой работой, а также управлять магазином. Родители Джека решили больше путешествовать, чтобы охотиться за антиквариатом по всему миру, а заодно побыть просто туристами, чего они никогда не могли себе позволить. Они утверждали, что не готовы сидеть без дела, так что это будет лучшее их решение.

Я не знала, в чем проблема Нолы: в том, что она была не готова выполнять распоряжения незнакомца там, где ей, с тех пор как она прибыла в Чарльстон, была предоставлена полная свобода действий, или же в чем-то совершенно другом. Я не стала говорить об этом Амелии, надеясь, что недовольство Нолы уляжется само собой без родительского вмешательства.

Нола вздохнула:

– Не раньше субботы. Лорд Волдеморт решил, что будет продуктивнее, если я буду работать только по выходным.

Я хотела спросить ее еще, но ее внимание привлекло окно позади меня, выходящее в разрушенный сад.

– Пришла доктор Уоллен-Араси. И... вот же дерьмо!

Я закрыла свой ноутбук и, удивившись ее реакции, встала. Подойдя к двери, прежде чем Софи успела постучать и

разбудить собак, распахнула ее, чтобы она и ее спутник могли пройти на кухню. Мне в лицо ударил морозный утренний воздух, и я поспешила захлопнуть дверь.

– Доброе утро, – весело сказала Софи, снимая с шеи вязаный шарф в радужную полоску. Он неплохо сочетался с носками, которые она носила с ее вечными биркенстоками, и с шапкой-бини на голове. Я не спросила про ее пальто, потому что еще не выпила достаточно кофе, чтобы посмотреть в лицо ее прикиду, который прятался под ним.

– Я привела кое-кого, с кем мне хотелось бы вас познакомиться, потому что я думаю, что в будущем вы будете видеть его довольно часто.

Я оторвала взгляд от носков Софи, чтобы впервые взглянуть на ее спутника. Он был молод – немногим старше Нолы – и очень высок, не меньше шести футов и трех дюймов. Светлые волосы, вероятно, светло-каштановые, когда на них не падало солнце, карие глаза цвета кофе с молоком. Судя по загорелому лицу и рукам, он много времени проводил на открытом воздухе.

– Бо, это моя подруга Мелани Тренхольм, о которой я тебе рассказывала.

– Бо Райан, – сказал он, протягивая руку. – Приятно наконец познакомиться с вами, мэм.

Даже если бы я не догадалась по его акценту, что передо мной южанин, слово «мэм» служило безошибочной подсказкой. У него было крепкое рукопожатие, что я тотчас оцени-

ла, но вот слово «мэм» было совершенно излишним, иначе мне пришлось бы научиться вязать.

– Я тоже рада познакомиться с вами, Бо. Но, пожалуйста, зовите меня Мелани.

– Да, мэм, – сказал он с яркой улыбкой, обнажая ровные белые зубы.

Я пожала ему руку чуть сильнее, чем следовало, и отступила.

– А это моя падчерица Нола.

Нола осталась на месте, с прищуром глядя на вошедшего, что делало ее еще больше похожей на Джека. Демонстративно сложив на груди руки и всем своим видом давая понять, что никаких рукопожатий не будет, она сказала:

– Мы уже встречались. Это новый парень, который работает в «Антиквариате Тренхольмов».

Я одними губами произнесла «Лорд Волдеморт», а затем вновь посмотрела на Бо. По описанию Нола я представляла себе лысеющего, пузатого придурка средних лет, не способного отличить Чиппендейл от ИКЕА.

– Бо учится на втором курсе Американского колледжа строительных искусств. Получает степень бакалавра прикладных наук в области кузнечного дела, – пояснила Софи. – По-моему, он идеальная кандидатура для замены недостающих частей вашей железной ограды, поэтому я хотела, чтобы он познакомился с тобой и твоим отцом.

Софи уже назвала мне примерную стоимость замены по-

верженной ограды и ворот, которые окружали наш участок. Моим единственным ответом был маниакальный смех, который, как я надеялась, означал слово «нет». Как если бы мне было все равно, сломана ограда, отсутствует или полностью исчезла. У меня один ребенок поступал в колледж и еще двое даже не пошли в детский сад. Я не собиралась тратить деньги, отложенные на их образование или наследство, на какой-то там железный забор. Я даже начала искать в Интернете альтернативные варианты оград, которые бы выглядели как железо, но по цене, от которой мне не становилось бы дурно. Я была совершенно уверена: ни одна из них не удостоится одобрения Софи. Не то чтобы в этом была необходимость, поскольку не она оплачивала счета.

– Бо уже начал составлять планы. Надеюсь, он сможет сделать это своим учебным проектом по замене недостающих частей или, при необходимости, полной замене ограды.

Я открыла было рот, чтобы что-то сказать, но смогла лишь мотнуть подбородком. Я была слишком занята, подсчитывая в уме, сколько домов мне нужно продать, чтобы мы могли поставить еду на стол, не продав ни одного рубина.

– Что ж, тогда, пожалуй, мне лучше вернуться к работе. Было приятно познакомиться с вами, Бо. Я обязательно поговорю с отцом. Вряд ли работы будут такими обширными, как вы думаете...

– О, поверьте мне, мэм. Я осмотрел каждый дюйм всей ограды. Там много повреждений. Думаю, будет проще заме-

нить ее всю целиком.

Нола перекинула рюкзак через плечо.

– Надеюсь, он разбирается в железных оградах лучше, чем в антиквариате. – Она сказала это почти себе под нос, глядя на меня, но достаточно громко, чтобы услышали все.

Бо терпеливо улыбнулся ей:

– Вообще-то моя семья владеет антикварным магазином на Ройал-стрит в Новом Орлеане уже почти столетие, он довольно известен в антикварном мире. У нас в витрине стоит полностью отреставрированная карусельная лошадка фирмы Мюллера 1910 года выпуска, последняя в своем роде, и люди приезжают со всех концов страны просто посмотреть на нее. В младенчестве я сделал свои первые шаги, держась за георгианский сервант, полный севрского фарфора, и доковылял до вырезанной вручную викторианской птичьей клетки, ничего не сломав.

– Как мило, – сказала Нола, хотя ее тон говорил об обратном. – Я никогда не была в Новом Орлеане, так что не знаю.

Он нахмурился:

– Забавно, потому что люди называют Новый Орлеан «НОЛА». Я подумал, может, у тебя есть какая-то связь.

– Еще какая! – сказала она, и ее лицо медленно расплылось в улыбке. Я строго посмотрела на нее. По идее мой взгляд должен был велеть ей на этом остановиться, но она сделала вид, что не заметила.

– Мое настоящее имя – Эммалин Амелия, но моя мама

звала меня Нолой, потому что я была зачата там, в дешевом гостиничном номере во Французском квартале. – Она повернулась к Софи: – Кстати, вчера я кое-что обнаружила в своей комнате. Мы думаем, возможно, Меган Блэк нашла это в цистерне, но я ее не видела, так что просто предполагаю. У вас найдется минутка, чтобы взглянуть?

– Конечно, с удовольствием взгляну, – ответила Софи, опуская брови, которые, пока Нола говорила, доползли до линии роста волос.

Нола бросила рюкзак и выбежала из комнаты.

– Быстрее! Я уверена, миссис Рэвенел скоро будет здесь, – крикнула я ей вдогонку.

– Я люблю ее, как родную дочь, но я всего лишь мачеха, – объяснила я, дабы у Бо не осталось сомнений, что я никого не зачала в дешевом гостиничном номере в Новом Орлеане.

– Да, мэм. Я понимаю.

Я стиснула зубы, снова услышав «мэм», но промолчала. В его улыбке было нечто теплое и искреннее. Интересно, заметила ли это Нола?

Я услышала, как ящик комода в прихожей со стуком хлопнулся. Через мгновение Нола вошла обратно в кухню, держа в руке небольшой железный гробик. Она поставила его на кухонный стол перед Софи.

– Это Замороженная Шарлотта, – тут же сказал Бо, заглядывая Софи через плечо. – Что написано там наверху?

– «Слушайся маму», – сказала Нола. – Очевидно, это идея

самой матери. – Она закатила глаза.

– Я слышала про Замороженных Шарлотт, – сказала Софи. – Но я ни разу не видела их своими глазами.

Бо наклонился и поднял гробик.

– Он открывается?

Нола кивнула и пальцем открыла защелку.

– Она напоминает мне того страшного клоуна из «Оно». Самый худший фильм.

Бо осмотрел куклу, не прикасаясь к ней.

– Самый лучший. Теперь никто больше не посмотрит на красный воздушный шарик, как раньше.

– Это вовсе не делает его отличным фильмом, – с презрением сказала Нола. – Итак, что такое Замороженная Шарлотта?

– Они появились в Викторианскую эпоху и назывались «Замороженные Шарлотты», или «Чарли» для кукол-мужчин, – пояснил Бо. – Это был своеобразный ответ на популярную песенку «Прекрасная Шарлотта», основанную, в свою очередь, на более раннем стихотворении «Труп идет на бал». – Он поморщился. – Это была поучительная история для детей, особенно для юных леди, об опасностях тщеславия и непослушания. Именно об этом говорят слова на крышке гроба. Кукол делали из фарфора, поэтому эта до сих пор в идеальном состоянии, да и стоили они очень дешево, что добавило им популярности. Одно время их даже запекали в тортах ко дню рождения. Однако не у всех у них име-

лись собственные гробики, так что эта ваша – особенная.

– Звучит духоподъемно и идеально подходит для детей, – сказала Нола.

– Эти чокнутые викторианцы, – сказал Бо и улыбнулся. – Они также обожали посмертные фотографии близких и даже делали украшения из волос усопшего.

– Ты уверен, что это викторианский стиль? – спросила Софи.

– Да, определенно, – ответил Бо, протягивая ей гробик.

– Значит, он не из цистерны, – сделала я вывод. – Все, что мы уже извлекли из нее, относилось к середине и концу восемнадцатого века.

– Но какое значение имеют пуговицы? – спросила Софи, вынимая из гробика перламутровую пуговицу с нарисованными тюльпанами.

Бо внимательно рассмотрел ее.

– Хороший вопрос. Я могу позвонить бабушке – она, наверное, знает. На самом деле у нее есть коллекция Замороженных Шарлотт.

– Конечно, знает, – пробормотала Нола как раз в тот момент, когда снаружи прогудел автомобильный клаксон. – Это миссис Рэвенел, – сказала она, поднимая свой рюкзак.

– Увидимся в субботу в магазине, – сказал Бо. – Надо будет помыть передние витрины. Мы ожидаем партию итальянской хрустальной посуды, и Амелия хочет поставить ее туда.

Я заметила, как Нола стиснула зубы – совсем как и Джек, когда он пытался притвориться, будто ему все до лампочки. Не говоря ни слова, она вышла из кухни. Несколько мгновений спустя за ней хлопнула входная дверь.

Бо с улыбкой повернулся ко мне:

– Милая девушка. Временами слегка чувствительная, но очень милая. Кстати, говоря о чувствительности...

Софи не дала ему договорить:

– погоди, Бо. У меня еще не было возможности рассказать Мелани.

Волосы на моем затылке зашевелились, предупреждая меня сразу о двух вещах: мне не понравится то, что должна была рассказать мне Софи, и нас на кухне было только трое.

– Рассказать... что именно? – спросила я.

Бо вскинул руки:

– Извините. Я не хочу поднимать панику или что-то типа того. Но когда я впервые приехал в Чарльстон, я прочел книгу Марка Лонго «Похоть, жадность и убийство в Священном городе». Думаю, вы в курсе, что вы упомянуты в книге вместе с утверждением о том, что вы способны разговаривать с призраками.

Я бросила взгляд на Софи. До меня дошло, что она имела в виду, когда представила меня Бо как подругу, о которой она ему рассказывала. Существует такая штука, как лазерные кинжалы для глаз, Софи пришлось бы тушить небольшие пожары, которые грозили бы испепелить ее отвратительный

шарф. Или же, в целях настоящего наказания, я заставила бы ее носить однотонный темно-синий и без всякого намека на бахрому.

– Не в курсе, потому что не читала, – сказала я, повернувшись к Бо.

По его лицу промелькнула улыбка, как будто в подтверждение того, что я уклонилась от ответа на незаданный вопрос.

Бо между тем продолжил:

– Я познакомился с доктором Уоллен-Араси на лекции Чарльстонского библиотечного общества о Филипе Симмонсе и рассказал ей про свой подкаст. Она сказала мне, что вы подруги.

Я многозначительно посмотрела на Софи, как бы добавляя слово «бывшие».

– Ваш «подкаст»?

– Да, мэм. Я веду паранормальный подкаст о реальных историях о привидениях. Это просто хобби, которым я увлекся пару лет назад, потому что мне это интересно.

– Я понятия не имею, что такое «подкаст», но, если в описании есть слово «паранормальный», мне, вероятно, не нужно больше ничего слышать.

– Конечно, я понимаю. Доктор Уоллен-Араси предупредила меня. Просто я надеялся... – Он покачал головой. – Ладно, ерунда. – Бо выпрямился и улыбнулся. – Так вот, я выясню, знает ли что-нибудь моя бабушка о пуговицах, и со-

ставлю смету на новую ограду. Возможно, вы увидите, как я фотографирую и делаю замеры, но я обещаю вас не беспокоить.

– Звучит здорово. Спасибо, Бо. И когда будете думать об ограде, рассмотрите самые разные варианты, есть множество материалов намного дешевле железа, которые надежны и при этом хорошо смотрятся.

У него и у Софи одновременно вытянулись лица – такое выражение вполне могло быть у людей, на которых надвигалось цунами.

– Да, мэм.

Я подошла к задней двери и открыла ее.

– Была рада познакомиться с вами. Софи, я поговорю с тобой позже. – Я улыбнулась ей, но была уверена, что в ее глазах промелькнул страх – И... Бо?

– Да, мэм?

– Если вы еще хоть раз назовете меня «мэм», вы можете стать темой собственного подкаста.

Он улыбнулся, и я не смогла больше на него сердиться. Улыбка Джека, похоже, производила на меня тот же эффект.

– Да, мэм... Мелани.

Краем глаза я уловила некое движение. Мы все как по команде повернули головы и увидели Замороженную Шарлотту в ее гробу. Правда, гроб стоял на прилавке у холодильника, а не на столе, где мы ее оставили.

– Я ничего не видел, – сказал мой новый знакомый.

Я посмотрела на него. Бо в упор смотрел на поразительно подвижный крошечный гробик.

– Я тоже, – согласилась я. Он на миг посмотрел на меня, а затем быстро отвернулся, оставив меня гадать, как много Софи рассказала ему. И почему.

Закрыв за ними дверь, я прислонилась к ней, закрыла глаза и в миллионный раз задумалась о том, что случилось с моей когда-то спокойной и упорядоченной жизнью.

Глава 4

Чувствуя себя подавленной при виде двух других машин, я припарковала свою позади «Бюро недвижимости Гендерсона». В мои дни до Джека, до того как родители, сестра и дети стали частью моего мира, моей жизнью была моя работа. Мое имя всегда было на вершине таблицы лидеров продаж, и я гордилась тем, что всегда приходила на работу первой. До недавнего времени.

Я узнала серебристый минивэн риелтора Кэтрин Хименес и бледно-голубую «Камри» нашей секретарши Джолли Томпсон. Проходя мимо, я потрогала капот минивэна Кэтрин. Двигатель уже остыл. Очевидно, если я хочу снова претендовать на место в таблице лидеров, мне нужно встать еще раньше.

Не то чтобы я не любила новые дополнения к моей жизни. Я дорожила каждым из них и ни на что не променяла бы даже минуты, проведенной с моей новой семьей. Но последний месяц научил меня тому, что мое эго и уверенность в себе столь же тверды, как и теплое желе. Моя работа – единственное, что получалось у меня хорошо. Если даже не ска-

зять, отлично. Более того, она придавала мне сил справиться с другими неурядицами в моей жизни.

Я распахнула дверь и прежде, чем Джолли успеет открыть рот и предупредить Кэтрин, что я здесь, приложила палец к губам. Не то чтобы я не люблю Кэтрин, потому что не любить было невозможно. Она была доброй, отзывчивой, с энтузиазмом относилась ко всему и на редкость энергична. Еще она приносила мне бесконечный запас домашней выпечки, что я ценила, так как дома мне отказывали в мучном.

Однако Кэтрин меня утомляла. У нее было четверо детей, о чем свидетельствовали все эти спортивные и школьные наклейки на заднем стекле ее минивэна и фотографии в рамках на ее рабочем столе и разбросанные по ее офису, как конфетти. Она уволилась с работы в мире технологий, чтобы оставаться дома с детьми, и только недавно получила лицензию риелтора. Поначалу мне было ее жаль, мне не давал покоя вопрос, где она найдет время, чтобы стать эффективным риелтором, но это было до того, как она начала делать крупные продажи и привлекать прибыльные объявления.

Ей понадобилось всего два месяца, чтобы прочно закрепить свое имя наверху доски почета, в то время как мое имя сползало вниз, пока, наконец, где-то в декабре не исчезло совсем. Я больше не жалела Кэтрин и изо всех сил старалась избегать ее или, по крайней мере, держаться от нее на расстоянии, чтобы остаться целой. Она напомнила мне ураган, всасывающий весь воздух в комнате, а затем, прежде чем вы

понимали, что произошло, закручивающий его волчком.

Не помогало и то, что она была превосходной матерью и волонтером. Имея в отличие от меня четверых детей и никакой няни, она успевала больше и делала успешную карьеру. Это угнетало и деморализовало. Я могла выносить ее только в малых дозах и только после того, как выпивала достаточно кофе, чтобы держать себя в тоне.

Джолли неодобрительно покачала головой (поскольку она – как и все остальные – обожала Кэтрин), ее серьги в виде стрекоз закачались в мочках ее ушей. Она подтолкнула мне небольшую стопку розовых бумажек с записями, скрепленных в порядке их дат. У нас была автоматизированная система для сообщений, но Джолли была в курсе, что я предпочитала читать свои в бумажной форме, и инстинктивно знала, что мне нравится, когда они расположены в порядке дат. Вот почему я проголосовала за щедрую рождественскую премию для нее.

Я кивнула в знак благодарности и, радуясь, что Кэтрин разговаривает по телефону, на цыпочках направилась в свой кабинет.

– Вы забыли кого-то снаружи? – громко прошептала Джолли.

– Что? – Я обернулась и посмотрела сквозь стеклянную входную дверь нашего бюро.

Джолли стояла с хмурым лицом, глядя на улицу.

– Там была женщина... она шла прямо за вами, но внутрь

не зашла. – Она в упор посмотрела на меня. – Она казалась... мокрой. Как будто только что попала под ливень.

Я подошла к двери и, открыв ее, посмотрела туда-сюда на Брод-стрит. Кроме пробежавшего мимо любителя бега, рядом не было никого, кто мог бы только что находиться перед нашим зданием. И уж точно никого мокрого. Я посмотрела на ясное голубое небо с изящными белыми облачками. Но, взглянув вниз, на тротуар, я безошибочно увидела, что из-за угла вели мокрые следы женских ног моего размера, а вот обратных следов не было видно. Они просто заканчивались у входной двери.

Не обращая внимания на покалывание в затылке, я покачала головой и снова вошла в вестибюль.

– Не знаю, что вы могли видеть, но там никого нет.

Проходя мимо Джолли, я широко улыбнулась, проигнорировав застывший в ее глазах вопрос, и произнесла безмолвную молитву, чтобы она не вышла на улицу и не увидела следы. Голосом чуть громче шепота я сказала:

– В девять часов ко мне должны прийти мистер и миссис Лонго. Пожалуйста, отправьте их прямо в мой кабинет. И не предлагайте им кофе, я не хочу, чтобы они оставались дольше, чем нужно.

Джолли показала мне большие пальцы, ее зеленые глаза за темной оправой очков были серьезными.

Я наполовину открыла дверь своего кабинета, когда услышала, как меня окликнула Кэтрин.

– Мелани! Очень рад, что ты вернулась в офис. Мы все скучали по тебе. – Она подмигнула нашей секретарше. – Надеюсь, ты не возражаешь, что Джолли нас предупредила. Просто она хотела, что тебя тепло встретили.

Я посмотрела в широко распахнутые голубые глаза Кэтрин. Ее светлые волосы были безукоризненно уложены – каждая прядь знала свое место. Она улыбалась, как мажоретка, которой когда-то была в Технологическом институте Джорджии. Ее облегающее платье с расклешенной юбкой демонстрировало все еще завидной стройности ноги.

– О, спасибо. Я рада вернуться.

Кэтрин подняла пластиковый контейнер.

– Вчера у нас был вечер семейной выпечки. Мы с Хавьером любим устраивать его с детьми. Мы приготовили пралине, и поскольку я знаю, как ты любишь сладкое, я принесла тебе немного.

Хотя мне и было стыдно за то, что я избегала ее, я все же взяла контейнер из ее рук.

– Спасибо, Кэтрин. Очень мило с твоей стороны.

Она улыбнулась:

– Угощайся. А теперь, если ты меня извинишь, у меня сегодня шесть показов, закрытие сделки, балетная и футбольная тренировки плюс собрание Дочерей американской революции. Трудный день!

Я кивнула. Она попрощалась и, создав вслед за собой сквозняк, поспешила в вестибюль и к выходу. Не успела я

расположиться за столом, как дверь моего кабинета открылась. Я удивленно подняла глаза и тотчас разинула рот, не зная, что предпочесть – то ли грохнутья обморок, то ли изобразить спокойствие и равнодушие.

– Доброе утро, Мелли, – сказал Джек, ногой закрывая за собой дверь. Его руки были заняты: он держал две большие чашки кофе из пекарни Рут, причем одна была с высокой прозрачной пластиковой крышкой, чтобы вместить все взбитые сливки. – Я подумал, что ты не откажешься от кофе.

Поставив обе чашки на мой стол, он снял кожаную куртку – мой ему подарок на наше первое совместное Рождество – и небрежно сел на стул по другую сторону моего рабочего стола.

Я быстро закрыла рот и попыталась придумать что-то небрежное, чтобы не выдать при этом учащенного сердцебиения или внезапной сухости во рту.

– Спасибо, – выдавила я. Взяв свою чашку и сняв с нее крышку, я уткнулась в нее лицом, чтобы попробовать сливки, – лишь бы перестать пялиться на него так, как утопающий смотрит на плавающую доску. Более-менее восстановив самообладание, я выпрямилась и спросила: – Почему ты здесь?

Джек сделал глоток кофе.

– Разве сегодня утром у тебя не назначена встреча с Марком и Ребеккой?

– Да, но мне казалось, ты сказал, что не собираешься при-

существовать на ней.

Он не ответил. Его взгляд переместился к моему рту, и мои внутренности тотчас начали выделять забавные кульбиты.

– Верно, но потом я передумал. Ты не должна разговаривать с ними в одиночку. Марк и Ребекка должны видеть в нас единый фронт.

Я почувствовала, как мой желудок и сердце поменялись местами.

– Мне казалось, тебе все равно.

– Конечно, мне не все равно, – спокойно сказал он и откинулся на спинку стула. – И если тебе предоставить свободу действий, у тебя есть дурная привычка соглашаться на вещи, которые совершенно не в наших интересах.

Его взгляд остался прикован к моему рту. Он поднес указательный палец к своим губам и вытер что-то невидимое.

Это движение отвлекло меня, помешав вникнуть в смысл его слов. Он вновь что-то смахнул со своих губ, а его взгляд скользил между моими глазами и моим ртом.

– Мелли, – сказал он, снова наклоняясь вперед и протягивая руку.

«Да», – прошептали в унисон мой разум и сердце. Но, к счастью, не мой рот. Вместо этого он провел пальцем по уголку моего рта, и на кончик его пальца налипла капля взбитых сливок. Он тотчас же вытер ее об обернутую вокруг его чашки салфетку, стерев заодно посетившую меня безум-

ную мысль о том, чтобы слизать эту каплю с его с пальца.

– О, спасибо, – сказала я, откидываясь на спинку стула. – Для протокола: я ни разу не сказала и не сделала ничего с намерением тебя обидеть.

– Знаю. Но твое намерение – не проблема. Это результат. Ты мгновенно переходишь от намерения к действию, не задумываясь о сопутствующем ущербе. Что делает тебя очень непростым человеком для совместной жизни. Мне всегда кажется, что я должен спать с одним открытым глазом.

Я слышала каждое его слово, но никак не могла связать их воедино и вникнуть в их смысл. Наверно, я слишком долго жила одна и независимо. Помню, как в пятом классе я получила записку от учительницы, которую должна была принести домой, отцу. «Плохо ладит с другими детьми». Возможно, именно это имел в виду Джек.

– Дело в моем этикеточном пистолете? Могу выбросить его, если это поможет.

Джек тяжело вздохнул и потер рукой щетину на подбородке – этот звук был мне до боли знаком.

– Эх, Мелли...

Резкий стук в дверь не дал ему договорить. Дверь распахнулась. На пороге стояли Марк и Ребекка, за ними смущенная Джолли.

– Простите, Мелани, они не захотели ждать, пока я доложу о них.

– Все в порядке, Джолли... – Это все, что я смогла выго-

ворить, прежде чем мои слова утонули в объятиях Ребекки. Моя кузина была с ног до головы в розовато-лиловом, включая лиловые сапоги и ленту для волос. Это был ее новый оттенок, чтобы избежать ее обычного ярко-розового, который, по ее мнению, слишком бросался в глаза на фоне нового цвета волос Марка. Завышенную в стиле ампира талию ее платья для беременных венчал еще один розовато-лиловый бант. К счастью, с ней не было ее собачки Пуччи, возлюбленной Генерала Ли и матери Порги и Бесс. Обычно на них были одинаковые наряды, и я сомневалась, что сегодня утром я выдержу это.

– Как твои дела? – сказала она, преувеличенно нахмутив брови. Тот факт, что она одновременно обнаружила, что беременна и что у Марка есть любовница, не охладил ни ее кокетства, ни приверженности браку. И даже если я сочла бы это достойным уважения в других людях, в случае Ребекки это было за гранью моего понимания.

Джек встал и, засунув руки в карманы, в упор посмотрел на Марка.

– Рад видеть тебя на свободе, Мэтт, – сказал он, намеренно искажив имя, как он делал с тех пор, как они – два противника – встретились впервые. – Не уверен, что одобряю твой новый цвет волос, но мы не будем видеться слишком часто, так что это не имеет значения.

Я впервые увидела Марка после той ночи на кладбище, когда его волосы необъяснимым образом поседели. Или все

же объяснимым. В конце концов, невидимые руки затащили его в мавзолей. По словам Ребекки, этот опыт сделал его более мягкой и кроткой версией самого себя, но у меня было сильное подозрение, что это временно. У Марка Лонго, которого знала я, вместо сердца был кусок угля, и требовалось нечто большее, нежели сильный страх, чтобы превратить его в нечто, напоминающее нормальное человеческое существо.

Седые волосы на мгновение отвлекли меня, заставив забыть, что он примерно моего возраста, а не дряхлый, глубокий старик. Он был нашим врагом, и я была вынуждена постоянно напоминать себе, что независимо от того, как он выглядел или что Ребекка говорила о нем, это был все тот же Марк Лонго, которого я знала. И что Марк Лонго не был ни другом, ни родственником.

Марк ухмыльнулся. На этот раз в его ухмылке было меньше льстивости, чем раньше.

– Как продвигается книга, Джек?

Если я что-то и усвоила с тех пор, как познакомилась с Джеком, так это то, что у писателя лучше не спрашивать, как продвигается его новая книга. Этот вопрос вызвал чувство неадекватности, сомнения и явную панику. Лицо Джека осталось спокойным, но я заметила тик на его щеке.

– Отлично продвигается... спасибо, что спросил.

Джек прошел через комнату и, подтащив к моему столу стул, поставил его рядом с тем, который он только что освободил.

– Давайте ближе к делу, чтобы я мог заняться более приятными вещами. Например, натиранием груди воском.

Я снова села за свой стол. Джек подождал, когда Ребекка и Марк сядут напротив меня, после чего присел на угол стола и улыбнулся:

– Я просто останусь здесь на всякий случай. Вдруг Мэтт попытается стибрить карандаш или что-то в этом роде и мне нужно будет его остановить. У него липкие пальцы.

Марк покачал головой. Он выглядел скорее раздраженным, нежели обиженным.

– Послушайте, я пришел сюда, чтобы заключить перемирие. На тот случай, если вы спрятали головы в песок и не знаете, что съемка будет происходить независимо от того, хочется вам этого или нет. Скажу следующее: Харви Бекнер и другие продюсеры не отступят. Вы подписали контракт, и если только не хотите, чтобы на вас подали в суд, я бы посоветовал вам соблюдать его положения.

Джек любезно кивнул, но тик на его щеке усилился.

– Но если у меня нет выбора, то к чему эта встреча? Мне кажется, что наши юристы очень четко изложили нашу позицию. Если нам придется урегулировать спор в суде, мы на это готовы. Нам нет причин встречаться лицом к лицу. Пребывание с тобой в одной комнате вызывает у меня кишечное расстройство, что мне совершенно ни к чему.

Ребекка чопорно сложила руки на коленях.

– Мы с Марком решили созвать эту встречу, потому что

мы одна семья. И поскольку мы одна семья, мы уверены, что сможем продолжить съемки на взаимовыгодной основе. Вы бы избежали необходимости опустошить свой банковский счет, а также продать один-единственный рубин, чтобы профинансировать ненужный и опрометчивый судебный процесс, а Марк снял бы свой фильм. Мы хотим, чтобы все прошло как можно более гладко, чтобы съемочная группа могла быстро приходить и уходить, а вы и ваша семья не испытывали бы лишних неудобств. Мы хотим сотрудничать, а не быть противниками. Потому что мы одна семья.

Джек взял мой стаканчик для карандашей и принялся переворачивать каждую ручку и карандаш вверх тормашками. Я внутренне съежилась и даже села, подложив под себя собственные руки, чтобы не вырвать стакан из его рук и поставить все как следует. Джек продолжал улыбаться.

– Я мог бы в это поверить, Ребекка, если бы у нас с твоим мужем не было такой длинной истории отношений. И не будь у него репутации лжеца и вора.

Сжав кулак, Марк вскочил было со стула, но Ребекка прижала руку к его ноге.

– Только без рукоприкладства. Мы тут все взрослые люди. Почему бы нам не обсудить все спокойно и здраво?

– Как только вы назовете нам истинную цель своего визита. Если Харви одержим тем, чтобы мы выполнили наш контракт, нам не о чем говорить. Это дело в руках юристов. – Джек поставил стакан обратно на мой стол, и карандаши тор-

чали из него вкривь и вкось, и встал. – В противном случае я ухожу.

Ребекка, вопросительно подняв брови, посмотрела на мужа.

– Хорошо, – сказал Марк, правда, с лицом человека, который вдруг понял, что его нижнее белье ему жмет. Он глубоко вздохнул. – Его... важно, чтобы этот фильм был снят и чтобы не было никаких судебных исков или иных осложнений, которые могли бы ему помешать или задержать его съемку и выход на экраны.

– Фильм по моей книге, которую ты у меня украл. – Джек направился к двери. – Я уже услышал достаточно. Возможно, я тоже смогу сегодня записаться на колоноскопию. Все что угодно, что сделает мой день ярче.

Джек уже подошел к двери, когда Ребекка вскочила.

– Нам нужен кредит.

Джек замер на месте и какое-то время оставался в полной неподвижности. А когда медленно повернулся, на его лице застыло выражение, которое я видела только однажды, когда он лежал на дне открытой могилы и смотрел на меня.

Он поковырял пальцем в ухе.

– Извини. Кажется, я не расслышал. Или меня внезапно забросило в альтернативную вселенную. Потому что нигде в реальном мире вам двоим даже в голову не пришло бы просить нас о чем бы то ни было после всего, что вы сделали, чтобы навредить мне и моей семье. Либо ты ударился голо-

вой о ступени мавзолея сильнее, чем я думал изначально, либо ты невероятно туп, что я всегда знал.

Марк встал и начал застегивать пиджак.

– Пойдем, Ребекка. Я же говорил тебе, что это бесполезно.

Она свирепо посмотрела на него, а затем перевела взгляд на меня.

– Ты неправ, потому что мы с Мелани – одна семья. – Ребекка положила руки на живот. – И потому что наш ребенок будет крестницей Мелани.

Старая Мелани, у которой никогда не было лучшей подруги, которую никогда не выбирали в команду по кикболю на детской площадке и которая никогда не была подружкой невесты, мысленно поаплодировала, в то время как остальная часть меня перевела испуганный взгляд с Ребекки на Джека и Марка.

– О, да ладно, – сказал Джек. – Ты действительно думаешь, что Мелани купится на твое «мы одна семья»?

Когда я ничего не сказала, он переключил внимание на меня.

– Что, Мелли? Ведь так?

И хотя я терпеть не могла привычку Ребекки манипулировала мной, она все-таки была моей родственницей. Более того, бывали моменты, когда она была мне почти другом и, пытаясь помочь мне, делилась своими вещими снами. Я не могла просто взять и повернуться к ней спиной.

– Послушайте, почему бы нам всем не сесть и не выслу-

шать их? – Я указала на стулья перед своим столом.

Джек бросил на меня предостерегающий взгляд.

– Я постою, – сказал он, когда Марк и Ребекка неохотно вновь заняли свои места, – на тот случай, если мне захочется расстаться с завтраком.

Я укоризненно посмотрела на него: обычно так смотрят на канючащего малыша или угрюмого подростка.

– Ребекка, может, ты все же расскажешь нам, что происходит? Но я не хочу делать вид, будто все, что сказал Джек, – неправда, так что постарайся придерживаться правды.

Марк сидел в каменном молчании. Ребекка – скромно сложив руки чашечкой над едва заметным животиком. Она была всего лишь в конце первого триместра. Я невольно вспомнила, как к концу первого месяца я выглядела так, словно была на грани родов.

Ребекка откашлялась.

– Марк... то есть мы – за последние несколько месяцев потерпели неудачу в нескольких инвестициях, причем не по нашей вине.

Джек фыркнул, и я послала ему предостерегающий взгляд.

Ребекка опустила глаза.

– И я уверена, что вы слышали про иск Энтони против нас. Он требует свою долю в имуществе их дедушки. – Она помолчала. – Он утверждает, будто Марк обманул его в отношении винодельни и прочего имущества.

Мы с Джеком переглянулись. Мы не знали, что брат Марка подал на него в суд. Узнав, что Энтони приударял за Джейн по наущению Марка, чтобы шпионить за нашими поисками клада, мы не хотели иметь с ним ничего общего. Хотя неудивительно, что, когда дело касалось Марка, Энтони, в конце концов, постоял за себя и дал брату отпор.

– В результате у нас есть... возникла небольшая проблема с наличностью. Мы знаем, что теперь, когда вы нашли рубины, ваше финансовое положение укрепилось, и мы хотели бы обсудить ссуду. Нам просто нужно, чтобы фильм вышел вовремя и в рамках бюджета и имел успех в кинотеатрах. Агент сказал Марку, что, если так и будет, он может рассчитывать за свою следующую книгу на огромную сумму.

Джек приподняв брови и состроил гримасу.

– Ты же знаешь, – наконец сказал он, – что для продажи книги требуется предоставить оригинальный материал, верно? Я не дам тебе украсть у меня следующую идею. Не то чтобы это имело значение. Ты не только зря тратишь наше время, но и, похоже, потерял всякую связь с реальностью. – Он сделал шаг к двери.

Но слова Марка остановили его.

– Я могу вернуть тебе твою карьеру. Когда съемки завершатся, я признаюсь в дезинформации, которая могла непреднамеренно запятнать твою репутацию, а также репутацию твоего предыдущего редактора и агента.

Я знала: Марк практически признавался, что это он по-

ставил на карьере Джека жирный крест. Что это он заплатил людям, чтобы те обвинили редактора Джека в нарушениях, и оказал денежную помощь агенту Джека, чтобы тот досрочно вышел на пенсию, по сути, оставив его сиротой. Мы никогда не узнаем в полной мере, что еще сделал Марк, но он воспользовался шатким положением Джека в его издательстве после того, как книга Джека о нашем доме на Трэдд-стрит так и не вышла в свет из-за воровства Марка. Предполагалось, что эта книга станет спасательным кругом Джека, что она даст новый толчок его карьере после мрачного провала его предыдущего труда и публичного разоблачения его содержания. Вместо этого книга Джека не только не попала в списки бестселлеров, но и перед его носом внезапно захлопнулись двери издательств, и его карьера зависла на неопределенный срок. Для человека, чья личность была тесно связана с его карьерой, это было сродни медленной смерти.

Джек спокойно, но с прищуром смотрел на Марка. На его лице осталось то же недоверие, что и у близнецов, когда я пыталась спрятать кусочек брокколи в кекс.

– Непреднамеренно. – Джек с подчеркнутым сарказмом повторил это слово. Интересно, я единственная, кто заметил вспышку интереса в его глазах?

– Более или менее, – сказал Марк, даже не пытаясь изобразить раскаяние. – Независимо от причины я знаю, что твоя нынешняя редакторша еще желторотый птенец, никогда не читала твоих книг и хочет, чтобы Ким Кардашьян прорекла-

мировала твою следующую книгу. И у тебя нет агента, который бы подсказал твоей редакторше, куда ей засунуть ее идеи, потому что ни один мало-мальски достойный агент не отвечает на твои телефонные звонки.

Джек усмехнулся, но тик на его щеке теперь пульсировал, как отбойный молоток. Он небрежно прислонился спиной к моему столу и закинул одну ногу на другую.

– И ты мог бы это исправить?

– Мог бы.

Ребекка откашлялась:

– Есть кое-что еще, не так ли, Марк?

У Марка был вид человека, сидящего в кресле дантиста. Он кивнул. Сглотнул.

– Да. Мы готовы отдать вам двадцать пять процентов нашего чистого дохода от фильма.

Джек поднял брови.

– Если я одолжу тебе денег.

– Да.

– И если мы отступим и позволим съемочной группе беспрепятственно войти в наш дом.

– Да.

– Пусть это будут пятьдесят процентов. Грязными.

– Это... – начал было Марк, но колючий взгляд Ребекки не дал ему договорить. – Тридцать пять, – возразил он.

– Пятьдесят, или мы уходим. Это не подлежит обсуждению.

Марк кивнул. Его губы были плотно сжаты, отчего они казались почти такими же белыми, как и его волосы.

Джек мельком взглянул на меня, затем снова повернулся к Марку.

– Я не уверен, что доверять тебе – в наших интересах. Мой первый инстинкт – бежать. Но моя жена по непонятным мне причинам считает тебя и Ребекку родней. – Джек в упор посмотрел на меня. – Мы с Мелани должны обсудить это вместе.

При слове «жена» мое сердце екнуло.

– А если мы все-таки утратим здравый смысл и дадим согласие, мы требуем для себя ряд уступок. Во-первых, съемка должна быть ограничена нижним этажом дома и садом, так как именно там происходит большая часть действия. Остальные сцены Харви может снять где-нибудь в павильоне. Это не подлежит обсуждению. Мелли и моим детям не придется прерывать свою обычную жизнь. Я знаю, что контракт предусматривает проживание в гостинице на время съемок, которые, как было согласовано ранее, не должны длиться ни на один день дольше, чем восемь недель. Это наш дом. Мы остаемся в нем. Даже не пытайся отговорить нас от этого – это бесполезно.

Во-вторых, – и опять же это большое «если», – если мы решим это сделать, мы попросим нашего юриста составить договор со всеми условиями займа, включая повышенную процентную ставку. Эта ставка будет увеличиваться с каж-

дой неделей, если основная сумма долга не будет погашена в полном объеме после окончания срока кредита. И, в-третьих, – Джек усмехнулся, – сторона или стороны, ответственные за нарушение контракта, должны будут выполнить свою часть соглашения, при этом потерпевшая сторона не будет нести ответственность за свою.

– Я не уверен, что Харви... – начал Марк.

– Конечно, – перебила его Ребекка. – Марк урегулирует условия с Харви. У Харви многое зависит от успеха фильма, и ему, как и Марку, не терпится приступить к съемкам, поэтому он наверняка согласится. И мы также позволим вашему адвокату проработать детали. После того как вы с Мелани их обсудите, разумеется. – Она встала и, раскинув руки, подошла ко мне и взяла обе мои руки в свои. – Я так рада, что мы одна семья.

Джек оторвался от стола и шагнул в сторону, вне досягаемости рук Ребекки.

– Думаю подписаться на ancestry.com, чтобы удостовериться в этом.

Ребекка рассмеялась:

– Потому что я такая маленькая и белокурая, а Мелани... нет? О, не говори глупостей. Мы из Чарльстона. Наше генеалогическое древо было практически вытатуировано у нас на груди в тот момент, когда мы родились. – Она посерьезнела. – В переносном смысле, конечно.

– Разумеется, – сказал Джек, сопроводив сказанное ледя-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

Мы с Джеком проводили Марка и Ребекку до двери.

– Будем на связи, – сказала я, когда они вышли в коридор.

– Как скоро? – спросила Марк с ноткой паники в голосе.

– До свидания, – сказал в ответ Джек и перед носом Марка захлопнул дверь.

По другую сторону двери повисла долгая тишина, а затем послышались звуки медленных, удаляющихся шагов. Я посмотрела на Джека и поняла, что мой нос почти касается его подбородка. Он не отступил, а я застыла, не в силах даже пошелохнуться.

– Так что ты думаешь? – негромко спросил он. Мне показалось, что его голос также прозвучал похотливо, хотя, возможно, я просто приняла желаемое за действительное.

Я пару раз прочистила горло и сглотнула.

– Мне кажется, ты слишком легко согласился об этом подумать. Приятно, что ты принял во внимание мои чувства по поводу помощи семье, но мы оба знаем, что эти чувства не распространяются на Марка. Что заставляет меня думать, что у тебя имеется свой собственный план.

Он лениво улыбнулся:

– Помнишь поговорку, что держать друзей надо близко, а врагов еще ближе? Скажем так, я вижу здесь возможность, о которой не догадывается Марк. Похоже, у меня, наконец, появится шанс победить его в его же игре. – Он посмотрел на часы. – Расскажу тебе обо всем этом позже. А сейчас мне

нужно бежать.

– На эпиляцию груди?

Джек усмехнулся:

– Не совсем. Ивонна Крейг попросила меня помочь перевезти коробки для ее гаражной распродажи, – сказал он, имея в виду восьмидесятилетнюю библиотечкаря-исследователя. Его взгляд стал серьезен. – Если мы согласимся, это будет означать присутствие съемочной группы в доме, пока ты в нем живешь. Но мы никоим образом не можем позволить Марку беспрепятственно шлаться по нашему дому.

Я кивнула, стараясь не смотреть на его губы:

– Я знаю.

– И нам не нужен дополнительный стук по ночам из-за этих киношников.

– Верно. Но тебе хотя бы заплатят за твою историю. В этом есть доля справедливости, тебе не кажется? Даже если это всего лишь пятьдесят процентов, а не сто, которых ты заслуживаешь. Но это уже что-то. И нам не придется тратить деньги, предназначенные на образование детей, на судебную тяжбу.

Мой голос звучал почти так же хрипло, как и его собственный.

Его глаза скользнули к моим губам, и я почувствовала, что качнулась вперед. Мои глаза были закрыты, сердце бешено колотилось. На миг я испугалась, что на моем лице все еще могут быть взбитые сливки.

Руки Джека нежно сжали мне плечи, мои губы коснулись пустого воздуха.

– С тобой все в порядке, Мелли? Было похоже, что ты вот-вот упадешь.

– Извини. – Я смущенно отступила назад.

Его глаза потемнели – признак того, что он тоже почувствовал притяжение. Он застегнул пиджак и направился к двери.

– Спасибо, Мелли. Поговорим позже, хорошо? И как только мы с тобой договоримся об условиях, я дам Харви Бекнеру ровно неделю на то, чтобы согласиться, иначе сделка будет расторгнута. Он уже позаботился о необходимых разрешениях еще в декабре, поэтому ему нет никаких причин тянуть. Он может приступить к съемкам, как только на контракте высохнут чернила.

– Звучит неплохо. – Я заставила себя улыбнуться, глядя, как он вышел за дверь и закрыл ее за собой. Я все еще стояла как вкопанная, когда он открыл ее снова.

– Мелли?

– Да?

– Это был почти поцелуй номер... э-э-э?.. – сказал он, имея в виду шутку, которая была у нас до свадьбы.

– Я не помню. – Я выпрямилась. – Возможно, мы можем начать сначала. Считай это почти поцелуем номер один.

Он печально улыбнулся:

– Ладно, я подумаю. Хотя я не особо верю в еще один

шанс. – Он снова закрыл за собой дверь, и я слушала, как его шаги стихают в коридоре.

Я долго смотрела на закрытую дверь, затем снова села за стол и, вытряхнув на него содержимое стакана, принялась раскладывать карандаши и ручки по размеру и цвету. Мои опасения по поводу того, как быстро Джек согласился рассмотреть предложение Марка, уступили в моей голове место воспроизведению слов Джека, когда он назвал меня своей женой, что убедило меня в том, что, несмотря ни на что, он этого не забыл.

Глава 5

Неделю спустя я ехала по Куин-стрит, более чем на полчаса раньше до назначенного показа дома. Кэтрин Хименес сжалилась надо мной и передала мне клиента, так как сама была по горло завалена делами. Я была ей жутко благодарна и даже не стала лгать, будто я сама едва успеваю жонглировать собственными клиентами, чтобы еще подбирать за ней ее клиентов.

Приняв в самый последний момент решение остановиться, я притормозила перед домом Вероники. Десяток строительных машин не дал мне припарковаться поблизости, и я была вынуждена пешком пройти два квартала до желтого викторианского дома Вероники. Шагая, я улыбалась про себя, вслушиваясь в шум и суматоху строительства, счастливая от возможности признать, что, по крайней мере, один из моих планов и в самом деле работает.

Когда я приблизилась, меня встретило завывание циркулярной пилы, звук почти столь же приятный, как и груда старых досок в маленьком переднем дворе. Софи распорядилась, чтобы для замены изъеденных термитами карнизов

или половиц не использовалась никакая новая древесина, что значительно удлинило сроки ремонта. Надеюсь, так будет до тех пор, пока я не услышу все, что Адриенна хотела мне сказать, и пока тайна ее смерти не будет раскрыта.

Подойдя к подъездной дорожке, я узнала зеленый «ягуар» моей свекрови. Багажник был открыт. Как всегда, ходячее воплощение вкуса и элегантности, Амелия – в ярко-синем костюме от Шанель из букле и на шпильках того же цвета – нагнулась и вытащила из него стопки каталогов.

Я бросилась к ней.

– Давайте я вам помогу, – предложила я.

– О, Мелани. Я так рада тебя видеть! – сказала она и, поцеловав меня в обе щеки, вручила мне тяжелую стопку бумаг. Затем Амелия откинулась назад и вытащила еще одну стопку. Ловко балансируя ею в одной руке, она другой нажала кнопку, чтобы закрыть багажник. – Будь добра, помоги мне внести это внутрь.

– Конечно. До моей следующей встречи у меня есть немного времени, поэтому я решила зайти и поговорить с Вероникой о... – Я чуть было не сказала «об Адриенне», но вовремя остановилась. Амелия была лучшей подругой моей матери и матерью Джека и, скорее всего, знала о моем «особом даре», но мы никогда не говорили с ней на эту тему. Она инстинктивно понимала, что мне легче общаться с людьми, когда я могу притворяться нормальный. – О ее поисках нового дома, – закончила я.

Мы направились к парадным ступеням. Я взглянула на стопку буклетов в моих руках.

– Для чего они?

– Это последние каталоги аукционов антикварной мебели. Вероника попросила меня помочь ей с оценкой стоимости мебели в ее доме. Поскольку они переезжают в дом меньшей площади, маловероятно, там найдется место для всех их вещей. Хорошо, что ты здесь, так как, возможно, мы включим часть вещей в продажу дома. Все, что останется, я могу взять для нашего магазина.

– Мне кажется, думать наперед никогда не рано, – сказала я, пытаясь удержать свою стопку и позвонить в дверь. – Вероника хочет подождать, пока дом не будет выставлен на продажу. А я помогу ей и Майклу найти новый.

– Что, по словам Вероники, может затянуться надолго. – Амелия подмигнула мне, и я улыбнулась.

Она наклонила голову, изучая меня, как если бы я была статуэткой майсенского фарфора с отбитым носом.

– У тебя усталый вид, – сказала она, сочувственно на меня глядя. – Эта ваша размолвка... – она покачала головой. – Я не принимаю ничью сторону. Я слишком давно замужем и знаю, что этого лучше не делать. Но я очень надеюсь, что вы с Джеком скоро сами это поймете. Дети скучают по тебе, когда вы не вместе, и я даже не представляю, как сильно ты скучаешь по ним, пока они не с тобой. Не говоря уже о том, как сильно Джек каждый день скучает по Ноле.

Я смогла лишь кивнуть, зная, что если открою рот, то наверняка разревусь. Я скучала по Джей-Джею и Саре каждое мгновение, когда их не было со мной рядом. Точно так же, как я скучала по тому, как первым делом утром мы с Джеком входили в детскую, чтобы до начала рабочего дня провести с ними время до телефонных звонков, болтовни и доставки Нолы и ее подружек в школу.

Циркулярная пила завизжала снова, заглушая все другие звуки, а также необходимость что-то ответить. Но тут дверь открылась, и Вероника пригласила нас внутрь, но не раньше чем я уловила характерный запах духов «Ванильный мускус».

– Привет, Амелия и – какой приятный сюрприз – Мелани.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я заглянула к тебе.

– Конечно нет, – сказала Вероника, закрывая за нами дверь.

Я с трудом узнала обычно темное фойе и лестницу. Ступени закрывали бумажные дорожки, на всю тяжелую викторианскую мебель были накинута белые простыни. В доме пахло опилками и краской, периодические удары молотка подчеркивали ровное завывание циркулярной пилы снаружи.

– Здесь лучше, – сказала Вероника, ведя нас в библиотеку.

За темно-бордовым кожаным диваном в стиле честерфилд и таким же креслом вдоль стен тянулись полки с книгами. Древний письменный стол с выдвигной крышкой был придвинут к круглому окну, которое я узнала по башне сна-

ружи. Она закрыла пару раздвижных дверей, и мы вместе вздохнули в относительной тишине.

Вероника с виноватой улыбкой помогла нам выгрузить нашу ношу на библиотечный стол с ножками на маленьких колесиках.

– Я попросила Софи оставить эту комнату напоследок, – объяснила Вероника, – чтобы нам было где спрятаться от всех этих строительных работ. – Она бросила на меня встревоженный взгляд. – Майкл вот-вот тронется умом. Не знаю, сколько еще он сможет выдержать, прежде чем решит просто продать все как есть.

Она указала на диван.

– Почему бы вам двоим не присесть, а я пойду займусь подносом с чаем? Линдси сделала немного знаменитой сырной соломки своей бабушки, и должна сказать, что она лучше той, которую я могу купить в магазине.

Вероника вышла из комнаты, а в следующий момент я затылком ощутила знакомое покалывание. Кто-то легонько потянул за рукав моего платья, и меня окутало легкое облако запаха «Ванильного мускуса».

Амелия взяла каталог и, глубоко вздохнув, снова положила его на место.

– Мелани, дорогая, – сказала она, повернувшись ко мне. – Ты знаешь, что я люблю тебя, как родную дочь, поэтому ты должна знать, что я желаю тебе только всего самого лучшего. А значит, я считаю своим долгом сказать тебе, что я думаю

по поводу того, что вы с Джеком дали согласие на съемки фильма в вашем доме, пока ты живешь там одна с Нолой и двумя детьми. Это небезопасно.

– В самом деле, Амелия, все в порядке. Мы договорились, что при желании мы можем временно переехать в отель. Эта опция действует на все время съемок. Поскольку съемочная группа имеет доступ лишь в определенные комнаты внизу, а наверх вход запрещен, в нашу частную жизнь никто вторгаться не будет, она останется в неприкосновенности. Просто я не хочу нарушать жизнь детей больше, чем то необходимо, особенно сейчас. Мы с Джеком не в восторге от того, что Марк получит неограниченную свободу копаться в наших личных вещах. Честное слово, со мной все будет в порядке...

– Твои родители тоже так считают, – словно не слыша меня, сказала она. – Они были у нас вчера вечером на ужине. Мы все согласились, что это не идеальная ситуация, и большую часть вечера пытались найти подходящее решение.

– И никто не догадался позвонить мне и спросить мое мнение?

Она с удивлением посмотрела на меня, как будто кто-то в первый раз прислушался к моему мнению.

– Нет. Полагаю, это потому, что мы знаем, что у тебя сейчас есть более серьезные заботы.

– Да, но... – Амелия похлопала меня по руке. – Я знаю. Ты, безусловно, способна позаботиться о себе и своих детях.

Просто нас, как родителей, как бабушек и дедушек, это не может не беспокоить.

– Да, но...

– К сожалению, у нас с Джеймсом нет комнаты, а то мы бы с радостью взяли тебя к себе. Твои родители предлагали тебе и детям переехать к ним, но нам кажется, что увезти детей и Нолу от всего, что им знакомо, – не самый лучший выход из ситуации. Поэтому мы объединили наши усилия и нашли решение, которое, по нашему мнению, сработает лучше всего.

Я откинулась назад и с прищуром посмотрела на нее. Раньше я ни разу не видела этой манипулятивной стороны Амелии Тренхольм, возможно, потому, что ее обычно маскировали добрая улыбка и костюм от Шанель. Но она была матерью Джека.

– И?

– Мы подумали, что будет лучше, если Джек вернется обратно. Разумеется, в гостевую комнату. Пусть поживет там до тех пор, пока не закончатся съемки. Или пока вы не помиритесь.

И она обнадеживающе улыбнулась.

Я бы солгала, если бы сказала, что мысль о возвращении Джека – независимо от причин – никак не повлияла на мой сердечный ритм. Я могла бы даже составить мысленный список всего, что мне нужно сделать, начиная с бритья ног, прежде чем он доберется туда. Увы, осознав, что в этом плане недо-

ставало одного компонента, я тяжело откинулась на спинку дивана.

– Джек никогда не согласится. Он найдет другое решение, не связанное с тем, чтобы жить со мной под одной крышей.

По лицу Амелии промелькнула улыбка, которую я бы назвала не иначе как заговорщицкой. Она потянулась и снова хлопнула меня по руке.

– Предоставь это нам.

В моей голове промелькнуло воспоминание о том, как Джек, захлопнув у меня перед носом дверь, оставил меня стоять одну в фойе нашего дома.

– Поверьте мне. Джек не готов. И все такой же упрямый, что и всегда. Если он действительно чего-то не хочет, невозможно уговорить его это сделать. И в данный момент он определенно не хочет жить вместе со мной.

Раздвижная дверь снова скользнула в сторону, звук строительных работ на мгновение сделался громче, и внутрь, балансируя подносом в одной руке, а другой закрыв за собой дверь, вошла Вероника.

– Технически он не будет жить вместе с тобой. И вообще, дареному коню в зубы не смотрят, – тихо добавила Амелия, вставая, чтобы помочь Веронике с подносом.

Узел, который начал скручиваться в моем животе, когда Амелия впервые обмолвилась о возвращении Джека домой, при виде сырной соломки и чая со льдом затянулся еще туже. Я посмотрела на часы, радуясь, что мне не пришлось лгать.

– Вероника, у меня показ, поэтому я не могу остаться. Я просто заскочила, чтобы снова подняться на чердак, посмотреть, что еще я могу найти. Ты упомянула, что у Адриенны был плеер для компакт-дисков. Он был в коробке с остальными ее вещами?

Вероника нахмурила брови:

– По идее да, где же еще ему быть, но я не припомню, чтобы я видела его, когда рылась в ящике Адриенны вместе с детективом Райли. Хотя могла и пропустить. Я несколько раз отворачивалась. Слишком много воспоминаний. – Она помахала перед лицом рукой, словно пыталась остановить слезы. – С тех пор я там не была. Но ты можешь пойти и взглянуть еще раз.

Кто-то еще настойчивее дергал меня сзади за платье.

– Спасибо. – Я подошла к раздвижным дверям, которые Вероника только что закрыла. Повернувшись к Амелии, я едва не сказала: «Удачи». Вместо этого я просто помахала рукой и вышла в фойе, зная, что ей понадобится чудо и бульдозер, чтобы заставить Джека Тренхольма сдвинуться с места.

* * *

Невидимая пара рук толкала меня вверх по лестнице все три этажа до самого чердака. Дверь – когда я добралась до нее – услужливо открылась сама по себе. Я обернулась, что-

бы проверить, нет ли свидетелей, и, никого не увидев, облегченно вздохнула.

Я закрыла за собой дверь и встала посреди мрачного пространства. С тех пор как я в последний раз была здесь, похоже, ничего не изменилось. На одном из толстых подоконников стоял фонарь «молния» из пыльного стекла с толстой красной рождественской свечой внутри. Вдоль стен по-прежнему притаились зачехленные силуэты мебели, составляя компанию детским игрушкам, в том числе тряпичной кукле Рэггеди Энн. Мне показалось, будто я увидела в черных глазах-бусинках какое-то движение, и резко обернулась, чтобы посмотреть, не было ли это чьим-то отражением. Но нет, там не было ничего, кроме стойкого запаха духов Адриенны.

Грязные витражи отбрасывали на чердачный мрак водянистую радугу, создавая впечатление, будто он находится под водой: пылинки напоминали крошечные пузырьки воздуха, всплывающие на поверхность. Я на мгновение затаила дыхание, прислушиваясь к тишине, которая вовсе не была тишиной. Скорее как будто кто-то рядом со мной замер в ожидании того, что вот-вот произойдет. Я медленно вздохнула, уверенная, что я не одна.

– Адриенна?

Я ожидала знака: звука, неожиданного движения детской качалки, ждавшей в углу. Даже привидения. Но это было в повадках духа Адриенны. Она как будто ждала, предвкушая,

что вот-вот что-то произойдет. Казалось, она приберегала свою энергию, приберегала для тех моментов, когда чувствовала необходимость ее высвободить. Или всякий раз, когда ей нужно было что-то показать мне, подумала я, вспоминая красную подушку и внезапное появление золотой цепочки Адриенны с кулоном «Омега Хи» и местом для пропущенной буквы. Снова и снова я, похоже, продолжала неправильно понимать подбрасываемые мне подсказки.

Я встала на колени перед картонной коробкой с вещами Адриенны из ее комнаты в общежитии. Все четыре створки были открыты, завитки высохшей упаковочной ленты валялись на полу рядом, как я их и оставила. Я узнала альбом женского студенческого общества, стопку фотографий и приглашений на различные мероприятия в кампусе, бейсбольную кепку с логотипом Университета Южной Каролины.

Я подняла бейсболку. Интересно, почему она здесь? Было похоже, что ее ни разу не надевали, что заставило меня предположить, что, возможно, это подарок Вероники, которая училась в Университете Южной Каролины. Положив ее на пол, я начала опустошать коробку в поисках плеера и всего, что могло подсказать мне, что же все-таки случилось с Адриенной.

Вскоре рядом с коробкой уже выросли груды сувениров первокурсниц: бордово-золотистые помпоны, стопка разноцветных пластиковых стаканчиков с отслаивающейся крас-

кой, которой были помечены различные события. Я вытряхнула и сложила с полдюжины толстовок Чарльстонского колледжа и общества «Омега Хи», после чего вытащила стопку вдвое большего количества футболок.

Порывшись среди рубашек, я нашла засунутый между ними ежегодник. Вытащив его, я поднесла корешок к свету, падавшему через витраж: «Комета». Внутреннюю сторону передней и задней обложки украшали десятки подписей и пожеланий с множеством сердечек и смайликов. Я широко раскрыла книгу и встряхнула в надежде на то, что из нее что-то выпадет. Когда же из нее не выпало ничего, я положила ее на пол. Все в этой коробке уже давно было изучено и перепроверено полицией Чарльстона, а совсем недавно – детективом Томасом Райли, которому поручали работу над нераскрытыми делами. Я не рассчитывала найти что-то новое. Я просто ждала, когда Адриенна скажет мне, не пропустили ли мы что-то важное.

Когда я вытащила его из коробки, браслет из засушенных роз осыпался мелкими хлопьями. Не знаю почему, но я поднесла его к носу, как будто хотела уловить что-то от той ночи, частью которой он был, и девушки, которая его носила. Но все, что я смогла уловить, это слабый запах «Ванильного мускуса». И запах тления.

Я положила его поверх растущей кучи и снова переключила внимание на коробку. Теперь мне было видно картонное дно, усеянное рассыпанными пластиковыми бусинами

из клубка спутанных и сломанных карнавальных ожерелий – желтых, зеленых, фиолетовых.

Снова сунув руку в коробку Адриенны, я вытащила стопку старых журналов. Сверху лежал номер журнала «Севентин» с фотографией актрисы Клэр Дейнс в джинсовой куртке и тизером по верху обложки: «Когда твои друзья предают тебя».

Вынув из почти пустой коробки стопку журналов, я обнаружила старую гарнитуру с наушниками из трухлявого пеноматериала. Положив журналы на пол, я вернулась к наушникам и под ворохом косынок проследовала за проводом их подключения. Моему взору предстал ярко-розовый плеер. Сквозь меня тотчас пробежала волна дрожи, а мимо пронесся сильный аромат духов Адриенны. Я вытащила плеер из коробки, чувствуя себя так, будто я только что открыла капсулу времени.

Почти вся поверхность плеера была покрыта завихрениями белого порошка, уже сбившегося в комки. Не иначе как это был порошок для снятия отпечатков пальцев. У меня никогда не было проигрывателя компакт-дисков, но хотя это устройство было для меня в новинку, было нетрудно понять, что оранжевая жидкость, просочившаяся из батарейного отсека на задней панели, означает, что батарейки никогда не вынимались. И что, если я нажму кнопку ОТКРЫТЬ, поднимется верхняя крышка.

Я заглянула в пустую полость. Пыль для снятия отпечат-

ков пальцев была щедро насыпана и сюда же. Отсутствие в плеере диска заставило меня задуматься, не изъяла ли полиция компакт-диск Лори Андерсон, о котором упоминала Вероника, чтобы сохранить его в качестве улики.

Стараясь не касаться аккумуляторной кислоты, я вернула плеер обратно в коробку, а затем аккуратно положила поверх него все остальное, чтобы оставить все точно в том состоянии, в каком я нашла эти вещи. Закончив, я встала и отрянула с колен пыль.

– Хорошо, Адриенна. Я ничего не нашла. Что ты хотела, чтобы я увидела? – Я не ожидала ответа, однако надеялась хотя бы на какой-то знак. Ведь кто, как не она, осторожно подтолкнула меня вверх по лестнице, значит, здесь наверняка есть что-то такое, что она хотела, чтобы я увидела. Я подождала. – Ну, ладно, – раздраженно сказала я и направилась к двери.

Я попробовала повернуть ручку, но та не поддавалась. Я пробовала еще несколько раз, но так и не смогла ее повернуть. Я вытерла руку о юбку и попробовала еще раз. Ничего. Дверь не была заперта. Такое ощущение, будто кто-то держал ручку с другой стороны.

– Давай, Адриенна! – Я кулаком стукнула в дверь. – Мне пора. Пожалуйста, выпусти меня.

Я попробовала еще раз, и вновь ничего. Обернувшись, я прислонилась спиной к двери и внезапно различила металлический звук музыки, как будто доносившейся из далеких

наушников. Я вернулась к ящику, чтобы снова все из него вынуть, и по мере того, как я приближалась ко дну, музыка звучала все громче. Я узнала слова «О, Супермен», произнесенные через вокодер, и мои руки заработали быстрее. Но как только я нашла плеер, музыка прекратилась.

– Хорошо, – сказала я, осторожно вынимая плеер и возвращая на место остальное содержимое коробки. – Теперь я могу уйти? – Я с дрожью повернулась к двери. Странная рябь в спертom воздухе обдала мою кожу холодом. Я протянула руку и повернула дверную ручку. Ничего.

Я взглянула на часы.

– Адриенна, мне пора идти. Пожалуйста, выпусти меня. – Каким-то чудом я сумела скрыть панику в голосе. Как жаль, что я не взяла с собой мобильный телефон, а оставила его в сумочке в библиотеке. На всякий случай я еще раз повернула дверную ручку.

Я снова обернулась, и мой взгляд остановился на ежегоднике, лежавшем на полу рядом с коробкой. Я была почти уверена, что клала его обратно в коробку, но спорить не стала. Я подняла его и положила на него плеер.

– Ты хотела, чтобы я их взяла?

Чтобы проверить мою теорию, я повернула дверную ручку. К моему облегчению, та легко повернулась, и я открыла дверь. Я застыла наверху лестницы, в странном подвешенном состоянии, как будто удерживаемая на месте двумя разными силами. Затылок мне обдало ледяное дыхание. В пу-

стом воздухе возле моего уха кто-то прорычал неразборчивые слова. Затем кто-то толкнул меня, и я, кувыркаясь, полетела вперед. Внезапность этого толчка отключила мой мозг, лишив возможности контролировать свои руки и ноги.

Прежде чем я, прижимая к груди проигрыватель компакт-дисков и ежегодник, достигла нижней ступеньки, мое неконтролируемое падение – столь же внезапно, как и толкнувшая меня сила, – остановили чьи-то руки.

– С вами все в порядке? – Рабочий в забрызганной краской футболке и джинсах посмотрел на меня, а затем на чердачную дверь, которая захлопнулась, когда я спустилась по лестнице.

– Да, все нормально. Спасибо, – сказала я, стараясь не выдать дрожи в голосе. – Просто я неуклюжая.

Он перевел взгляд с двери на меня и кивнул.

– Как скажете. – Не оборачиваясь, он попятился от ступенек к ведру с краской в конце коридора.

Крепко сжимая в руках проигрыватель компакт-дисков и ежегодник, я сбежала по ступенькам в фойе, и все это время меня как будто легонько подталкивала в спину чья-то рука. Лишь когда я снова села в машину и поехала на встречу, меня начало трясти. Мой мозг медленно распутывал то, что только что произошло, переводя рычание в слова. Вспоминая их, как и те, что сказала моя мать, когда держала в руках сломанный кулон Адриенны, который Вероника и Томас нашли в коробке и который я теперь носила на шее: «Ты не

хочешь знать правду».

Я нажала на педаль акселератора, лишь бы поскорее оказаться где угодно, но только не в одиночестве.

Глава 6

Ранним вечером в понедельник я сидела за кухонным столом, работая над таблицей личностного роста. Нола сидела рядом со мной и делала домашнее задание. Сара и Джей-Джей восседали на своих высоких стульчиках и играли с хлопьями «Чириос» – то грызли их, то бросались ими. У нас с Нолой в доме были отдельные рабочие места, но после возвращения миссис Хулихан нас обеих потянуло на кухню, чтобы быть рядом с экономкой, пока она готовила ужин. Мы этого не планировали, но было ясно, что ни одна из нас не хочет вновь применять на практике свои примитивные кулинарные навыки. Быть рядом с миссис Хулихан означало, что она не сможет сбежать через черный ход. Даже собаки ходили за ней по пятам, столь же обрадованные ее возвращению, сколь и возможностью поживиться упавшими кусочками еды.

– Вы сегодня ужинаете только вдвоем? – уточнила миссис Хулихан с обиженным выражением лица, уперев руки в свои внушительные бедра. Она не привыкла к тому, что кто-то вторгался в ее владения, пока она колдовала у плиты.

– Только мы, – сказала я, широко улыбнувшись. – Но мы умираем с голоду. И определенно съели бы ужин для двоих.

– Или троих, – с воодушевлением кивнула Нола. Было важно, чтобы миссис Хулихан чувствовала себя нужной.

Нежно улыбнувшись близнецам, миссис Хулихан дала им свежих хлопьев из коробки, но как только она начала наполнять чайник водой, ее лицо вновь стало кислой гримасой.

Раздался звонок в дверь. Нола подняла голову и встретилась со мной взглядом. Несмотря на заверения Рича Кобилта, что дверной звонок якобы полностью исправен, он работал только тогда, когда в него звонил кто-то, кого мы хотели видеть. Именно поэтому Ребекка обычно была вынуждена стоять снаружи на веранде.

Стараясь не морщиться, я потерла под столом квадрицепсы.

– Тебе придется открыть дверь. Мои ноги слишком болят, чтобы стоять. – Как я и обещала, я уже дважды бегала с Джейн и уже жалела о своем решении возобновить пробежки. Я снова посмотрела на свою таблицу, в которую добавила еще две строки с заголовками: «Будь приветлива с Ребеккой» («Спланируй вечеринку подарков») и «Подготовь дом к съемкам» («Позвони Греко»).

Нола встала и заглянула через мое плечо.

– Правда, Мелани? Ты напоминаешь себе быть приветливой с Ребеккой? Я, конечно, понимаю, что это непросто, и все же... – Схватив из вазы с фруктами, стоявшей посреди-

не стола, яблоко, она откусила кусочек и отправилась открывать дверь. – Не могу дождаться, когда снова увижу Греко, – пояснила она.

Она уже прошла сквозь вращающуюся дверь, прежде чем я успела напомнить ей, что некрасиво разговаривать с набитым ртом.

Миссис Хулихан открыла дверцу холодильника и громко вскрикнула.

Я резко вскочила со стула, мои ноги «взвизгнули» в знак протеста.

– Что-то не так? – спросила я, ковыляя к ней.

Она обернулась, сжимая в руке небольшой предмет.

– Мне придется поговорить с Нолой о том, что она напугала меня этой... штуковиной. Сегодня утром я нашла ее посреди комнаты. Со мной чуть не случился сердечный приступ.

Даже не глядя, я отлично знала, что это за предмет. Замороженная Шарлотта пропала накануне, и я отдавала себе отчет в том, что напрасно даже надеяться, что она исчезла навсегда.

Я взяла из рук домоправительницы железный, ледяной на ощупь гробик.

– Извините, миссис Хулихан. Я обязательно поговорю с Нолой. – Я доковыляла до стула и сунула игрушку в портфель. Знай миссис Хулихан хотя бы про половину происходящих в доме странностей, она бы давным-давно уволилась.

От моей головы отскочил кусочек «Чирио». Я резко повернулась к сидевшим на высоких стульчиках близнецам, желая найти виновника. Оба ангельских личика расцвели улыбками, пухлые ручки потянулись мимо меня к тому, кто только что вошел в кухню.

Но и без их реакции статического электричества, которое внезапно загудело вокруг меня, хватило, чтобы сообщить мне: в комнату вошел Джек.

– Мистер Джек! – Миссис Хулихан радостно раскинула руки, ее пышные телеса вздрогнули от возбуждения.

– Миссис Хулихан, – произнес он с таким же энтузиазмом, заключая ее в объятия, какие можно было бы описать только как медвежьи. Несмотря на внушительные кулинарные способности миссис Хулихан, я никогда не испытывала к ней ни малейшей ревности. До настоящего времени.

Отпустив экономку, Джек шагнул к детям, чтобы осыпать их поцелуями. Я же использовала эти мгновения для того, чтобы заново устроиться на стуле и казаться лишь слегка заинтересованной, но отнюдь не взволнованной присутствием Джека. Я демонстративно уставилась в монитор компьютера, хотя, если честно, даже не видела, что там на экране.

– Я думаю, что версия 107 – вполне оптимистичная догадка, но я давно бросил вести счет.

Голос Джека раздался рядом с моим ухом. Он наклонился, чтобы прочитать, что там у меня на экране. Я вздрогнула. Мой стул взбунтовался и выскользнул из-под меня.

От падения меня спасли две сильные руки, которые я почувствовала до самого сердца, а вот стул рухнул на пол, испугав младенцев и собак. Те на пару мгновений умолкли, а затем Джей-Джей расхохотался.

Джек медленно отпустил меня и поднял стул.

– Возможно, «уважительное отношение к мебели» должно стоять в самом начале списка.

Мой рот непроизвольно открывался и закрывался, как у умирающей рыбы, но, несмотря на все мои годы работы в продажах, я не смогла найти ни единого слова. Оставалось лишь надеяться, что безумное биение моего сердца не видно под моим платьем.

– Джек... – наконец выдавила я. Я откинулась назад, чтобы небрежно опереться на стол, но неправильно рассчитала расстояние и вместо этого захлопала руками, словно крыльями.

Уголок его рта пополз вверх.

– Привет, Мелли.

Я глубоко вздохнула, приказывая телу успокоиться.

– Что ты здесь делаешь? – Я пододвинула к себе настольный календарь. – Я напортачила с графиком посещений? – Я чуть было не добавила «как будто», но вспомнила, что пытаюсь быть более зрелой.

– Папа принес чемодан! – сказала Нола.

– погоди. Что? – Я вспомнила наш с Амелией разговор. Зная, что Джека нельзя заставить вернуться под одну крышу

со мной, я не стала воспринимать его всерьез. И все же он был здесь. Я подавила желание ткнуть в него вилкой, чтобы убедиться, что он настоящий. – Никто не говорил мне...

Джек скрестил на груди руки.

– Мать сказала, что упомянула о том, что было бы неплохо, если бы я остался здесь на все время съемок, и что ты не возражала. Съёмочная группа будет здесь в среду, чтобы начать подготовку, поэтому я хотел опередить их и помочь подготовить дом к предстоящему натиску.

Забыв, что стою недостаточно близко к столу, я снова попыталась откинуться назад и вновь, словно крыльями, взмахнула руками.

– Да, но ты не позвонил, чтобы сообщить мне. – Я упорно пыталась замаскировать свой энтузиазм под обвинение.

– Просто я боялся передумать. И я не думал, что ты скажешь «нет».

– То есть Марк соблюдает свою часть договоренностей?

– Да. – Он похлопал по своему пакету. – Он подписал все бумаги, и они все здесь. Мы можем еще раз их изучить и подписать, чтобы наше соглашение вступило в силу. Не то чтобы я ему доверял, конечно. Но он не получит от нас ни рубина, пока сначала не выполнит все условия.

Но миссис Хулихан перебила его.

– Вы останетесь на ужин? – спросила она, уже потянувшись за коробкой лапши из цельнозерновой муки.

Джек посмотрел на меня:

– Это зависит от Мелли.

Я сделала вид, что задумалась:

– Что ж, если ты считаешь, что так будет лучше, то тебе лучше остаться. – Мы оба вели себя так, как будто окончательное решение было за мной.

– Пойду накрою на стол, – сказала Нола, и все, включая близнецов, повернулись к ней. Обычно она исчезала, когда чувствовала, что миссис Хулихан готовит обед, и не слышала нас, когда мы звали ее на помощь, но как только наступала пора есть, ее слух внезапно обострялся.

– Я только что постелила на кровать чистые простыни, мистер Джек, и я позабочусь о том, чтобы в главной ванной для вас были свежие полотенца.

Чтобы не выдать своих надежд, я занялась сохранением электронной таблицы тремя разными способами, так что мне удалось скрыть мое разочарование ответом Джека.

– Вообще-то, миссис Хулихан, я расположусь в гостевой комнате. Я знаю, где лежат простыни, и вполне способен сам заправить постель.

– И я непременно буду запираť свою дверь, – произнес Джек одновременно со мной, потому что я тоже сказала:

– И я непременно буду запираť свою дверь.

Правда, только один из нас не покривил при этом душой.

Вряд ли мне показалось, будто миссис Хулихан хмыкнула, когда она повернулась к плите.

Нола только что вернулась в кухню, как в дверь вновь по-

звонили.

– Ты сейчас, скорее всего, отправишь меня открыть дверь, – сказала она так, словно несла на своих хрупких плечах тяжесть всего мира.

– Только если ты хочешь, чтобы тебя сегодня вечером покормили, – предложил Джек.

Тяжело вздохнув, Нола снова вышла из кухни. Через несколько секунд она вернулась с Бо Райаном. Но если тот шагал за ней с приятной улыбкой на лице, то Нола явно была раздражена, а ее щеки пылали. Джек и Бо уставились друг на друга, ожидая, что Нола что-нибудь скажет, но она, что было для нее совсем не свойственно, смутилась.

Наконец Бо протянул Джеку для рукопожатия руку и представился.

– А вы, должно быть, отец Нолы. Рад наконец познакомиться с вами, мистер Тренхольм.

– Аналогично, – сказал Джек, с силой тряхнув руку Бо. Мне показалось, что тот вздрогнул. – Чем мы можем быть вам полезны?

– Вообще-то я пришел к Мелани. Я обещал ей узнать кое-что о том, что, возможно, находилось в цистерне за домом.

– Возможно? – переспросил Джек.

– Мы так думаем, – сказала я. – Нола нашла это в своей комнате. – Я достала из портфеля Замороженную Шарлотту в ее маленьком гробике и, поставив игрушку на стол, открыла крышку. – И она лежит на постели из старинных пуговиц.

Впервые от гроба потянуло запахом дыма, причем достаточно едким. Я даже закашлялась.

– Кто-нибудь еще чувствует этот запах?

Ответом мне стали пустые лица стоявших вокруг стола.

Сара издала со своего высокого стульчика пронзительный крик. Ее взгляд был прикован к крошечной кукле в гробу. Дочь сучила ручками и ножками, как будто пыталась вырваться. Джек подхватил ее на руки, и она прижалась к нему и уткнулась лицом ему в шею. А вот Джей-Джей, похоже, ничего не замечал. Зажав в кулачке свой вездесущий венчик, – по непонятной причине он еще в младенчестве выбрал его в качестве любимой игрушки, – он деловито пытался носом подобрать с подноса хлопья «Чирио».

Держа в руке, словно орудие мщения, деревянную поварешку с пятнами красного соуса на краю, миссис Хулихан повернулась к нам лицом.

– И я нашла это... эту штуку в холодильнике. Это было не очень приятно, Нола.

Нола посмотрела на меня большими глазами. Я быстро покачала головой, и она с полным раскаяния видом повернулась к экономке.

– Извините, миссис Хулихан. Я не буду больше этого делать.

Бо не сводил глаз с Нола. На его лице застыло задумчивое выражение.

– Я была бы признательна. – Миссис Хулихан повернулась

ко мне: – Еще один на ужин?

– Да, – сказала я.

– Нет, – одновременно со мной сказала Нола. Джек приподнял бровь и вопросительно посмотрел сначала на Нолу, затем на Бо.

– Если, конечно, у тебя нет других планов, – уточнила я.

– Только если это не проблема, то с удовольствием, – ответил он, словно не замечая колючего взгляда Нола. – Давненько я не ел домашней еды. Сижу на лапше рамен и пицце пепперони. И моих фирменных макаронах с сыром и нарезанными хот-догами.

– Так ты не веган? – спросил Джек, и его лицо оттаяло.

– Нет, сэр. Мне нравится еда, у которой есть вкус. Я ничего не имею против овощей, но дайте мне к ним раков и колбасу андуй. Или сочный стейк, или гамбургер, или и то и другое. – Он похлопал себя по плоскому животу. Мой собственный живот громко заурчал.

Я повернулась к Ноле:

– Будь добра, поставь на обеденный стол еще один прибор для Бо, хорошо?

С очередным тяжким вздохом она достала из ящика столовое серебро и, с силой задвинув несчастный ящик на место, удалилась в столовую.

– Ты сказал, что у тебя есть что-то для меня? – напомнила я Бо.

– Да. – Бо полез в свой рюкзак и вытащил пластиковый

контейнер для сэндвичей. – Извините, что я немного опоздал к вам... у меня был школьный проект, а затем мне пришлось ждать, когда моя бабушка пришлет мне это. – Он поставил контейнер на стол, и мы с Джеком шагнули ближе, чтобы посмотреть, как Бо открывает крышку.

Коробка была полна старых пуговиц самых разных размеров, дизайна и материала. На дне контейнера лежали тонкие полоски высохших кожаных ремешков, сморщенные, как мертвые дождевые черви на летнем тротуаре.

Нола вернулась, однако встала на нашей стороне стола, а не рядом с Бо.

– Похоже, пуговицы раньше были нанизаны на шнурки или кожаные ремешки, – изрекла она, внимательно рассмотрев содержимое коробки.

– Очень хорошо, – сказал Бо, и его взгляд остановился на Ноле.

Ее щеки сделались пунцовыми.

– Всего лишь предположение, но эти кусочки старой кожи здесь и на дне гроба Шарлотты как бы говорят об этом.

Нола протянула руку и, вытащив медную пуговицу с гравировкой в виде геральдической лилии, взялась перекатывать ее между мозолистыми пальцами.

– Играешь на гитаре? – полюбопытствовал Бо.

Щеки Нолы вновь зарделись.

– Немного.

Мы с Джеком переглянулись. Скромность была не в ха-

рактуре Нолы.

– Я тоже, – признался Бо. – Мне нравится звук акустической гитары, наверное, потому, что я помню, как моя мама играла мне на гитаре, когда я был совсем маленьким. Она даже сама сочиняла песни.

– Моя мама тоже, – тихо сказала Нола, не сводя глаз с пуговицы между пальцами.

Мы с Джеком одновременно потянулись к ней и заключили Нолу в неловкое групповое объятие. Впрочем, зная нелюбовь Нолы к телячьим нежностям, мы с Джеком тотчас же отстранились. Правда, там, где Джек прикасался ко мне, моя кожа все еще горела.

– Итак, – сказала Нола, бросая пуговицу обратно в коробку, – почему они были вместе с куклой по имени Замороженная Шарлотта?

Бо почесал затылок.

– Мы не совсем уверены. Мими – это моя бабушка – тоже собирает амулеты. Она считает, что эти пуговицы в гробу могут быть от них. Но она не уверена, почему они вместе, хотя и кукла и пуговицы из Викторианской эпохи.

– Амулеты? – переспросил Джек, проводя пальцем по пуговицам.

– Да. Так делали девушки в шестидесятых годах девятнадцатого века. Они пришивали или нанизывали пуговицы на кусок ткани или полоску кожи. Когда они добавляли тысячную пуговицу, это означало, что они якобы скоро встретят

мужчину, за которого выйдут замуж. – Бо усмехнулся. – Думаю, до пришествия социальных сетей у девушек была масса свободного времени.

– У девушек? – Нола с вызовом скрестила на груди руки.

– У юношей тоже, – быстро добавил он. – У Мими есть целая секция в задней комнате магазина с антропоморфными таксидермиями и диатомовыми композициями, что доказывает, что и у парней имеется склонность к странным занятиям. У нее там есть целая кроличья школа и кошачья свадьба с проповедником и кафедрой. И неплохая коллекция диатомовых композиций с использованием крыльев бабочек и лапок насекомых. Довольно круто, правда? Рекомендую посмотреть это в Интернете – я управляю их веб-сайтом, и эти страницы получают наибольшее количество просмотров.

Нола наморщила нос:

– Ты унаследовал свою странность от бабушки или это присуще всей твоей семье?

Бо серьезно посмотрел на нее:

– Не знаю. Мои родители пропали без вести во время урагана «Катрина», пытаюсь разыскать мою младшую сестру. Мне было всего пять лет, поэтому я мало что о них помню.

Нола зажмурилась:

– Я... извини... Я не... – Она умолкла, понимая, что любых извинений будет недостаточно.

– Мне любопытно, Бо, – сказал Джек. – Когда я служил в армии, я знал доктора Боргарда Райана из Нового Орлеана.

Однажды он подлатал меня в Афганистане. Это, случайно, не твой родственник?

В глазах Бо как будто что-то мелькнуло, но он не вздрогнул.

– Да, сэр. Это мой отец.

Джек кивнул, хотя лицо его ничего не выражало.

– И ты не знаешь, что случилось с твоей матерью или отцом после «Катрины»?

Бо ответил не сразу:

– Нет, сэр.

Повисло молчание. Мы все поняли: Бо не намерен больше ничего добавлять. Неловкую тишину милосердно прервал писк мобильного нашего гостя, возвестивший о текстовом сообщении. Бо вытащил его из кармана и посмотрел на экран.

– Извините. Спасибо за приглашение остаться на ужин, но мне пора. У моего партнера по подкасту технические проблемы с оборудованием, и я должен посмотреть, смогу ли я устранить неисправность, прежде чем мы сегодня вечером начнем запись.

– Ничего страшного, – сказала я. – Надеюсь, мы сможем сделать это в другой раз в ближайшее время.

Он кивнул:

– И спасибо вам, миссис Хулихан. Пахнет очень вкусно... Жаль, что мне не удастся попробовать. – Бо протянул Джеку руку. – Был рад познакомиться с вами, сэр.

– Аналогично, – сказал Джек с бесстрастным выражением лица.

– Бо, – сказала я, – раз уж ты зовешь меня Мелани, думаю, тебе следует звать его Джеком.

– Вообще-то «сэр» – это нормально. Или мистер Тренхольм. – Джек улыбнулся.

– Да, сэр, – смущенно ответил Бо, засовывая контейнер обратно в рюкзак.

Что-то заставило меня обнять Бо. Возможно, то, что он сказал про своих родителей и сестру. Или же я только что узнала точно такое же потерянное выражение лица, которое было у Нолы, когда та впервые появилась у моей входной двери.

– Спасибо, что принес пуговицы и поговорил обо всем с бабушкой. Я это очень ценю.

– Всегда рад помочь. – Бо повернулся к Ноле, которая теперь качала Сару, усадив ее себе на бедро. – Увидимся позже. Меня не будет в воскресенье, так что я оставлю тебе на своем столе список вещей. Задняя комната срочно нуждается в хорошей уборке и мытье полов. Каждый раз, когда мне приходится входить туда, у меня начинается аллергия.

Я в упреждающем жесте положила руку на плечо Нолы, чтобы она помолчала.

– Спасибо, Бо. Я надеюсь снова увидеть тебя в ближайшее время.

В мои планы не входило предлагать Ноле проводить его до

двери, поэтому я проводила его сама и, прежде чем закрыть дверь, подождала, пока он дойдет до конца веранды.

Обернувшись, я увидела у подножия лестницы Джека с его чемоданом.

– Я подумал, что мне лучше распаковать вещи перед ужином.

– Думаю, ты знаешь, где находится гостевая комната.

– Знаю. – Джек поднял чемодан и начал подниматься по лестнице.

Я пару секунд смотрела на него, а затем выпалила на одном дыхании:

– У Замороженной Шарлотты есть напарник. Он оставил на снегу следы, которые заканчивались у окна столовой. А еще мокрые следы следовали за мной на работу, и я понятия не имею, откуда они взялись, но я не думаю, что это один и тот же человек, потому что они разного размера. Я также взяла с чердака плеер и ежегодник, принадлежавшие сестре Вероники, – вдруг это поможет мне узнать что-нибудь еще об убийстве Адриенны. Я также почти уверена, что на чердаке у Адриенны обитает еще один дух, который не хочет, чтобы я бывала там. Сегодня в обед я купила в «Финики Филли» очень красивую юбку... нет, не на распродаже, но она классическая и хорошо сшита. Такие вещи никогда не выходят из моды, что оправдывает ее цену. Кроме того, она подходит к новым туфлям, которые я купила в «Чарльстонской обувной компании». Я зашла туда лишь потому, что это практически

через дорогу от «Бакстон Букс». Я заглянула в него за книгой Марка, чтобы понять, что снимают в моем доме, но в итоге купила еще несколько книг, потому что Софи говорит, что мне нужно читать больше книг, а не ограничиваться лишь чтением объявлений о продаже недвижимости в газетах.

Джек наклонил голову и прищурился. Его губы дернулись, как будто он пытался сдержать смех. Или же не знал, что сказать.

– Ты сказал, что хочешь, чтобы я рассказала тебе все. Я готова.

– Что ж, это уже начало. – И он продолжил подниматься по ступенькам.

Запах гари, который я впервые ощутила, когда мы открыли гробик с Замороженной Шарлоттой, вновь наполнил мне ноздри. Я почувствовала срочную потребность в свежем воздухе. Я вышла на веранду, чтобы вдохнуть прохладный ветерок, и, сделав глубокий вдох, уловила сладкий аромат каролинского жасмина. Его ползучие побеги вились по веранде, как будто бросая вызов прохладному февральскому вечеру.

Я была безмерно счастлива, что Джек вернулся. И пусть он спал в гостевой комнате – это лучше, чем в отдельном доме. Мой разговор с Амелией не шел у меня из головы, как и мой довод, что его невозможно принудить. Что означало одно: независимо от причин, которые он назвал матери или мне, Джек вернулся, потому что он сам этого хотел.

Где-то в глубине моей груди вспыхнула маленькая искра

тепла, подарив мне первый лучик надежды с тех пор, как Джек ушел от меня.

Я повернулась, чтобы войти внутрь. Хотя дождя не было вот уже несколько дней, фонарь на крыльце высветил то, что выглядело как лужи на половицах. Я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть, и отшатнулась. Лужи в форме следов тянулись по веранде от самых ступеней и решительно останавливались у входной двери, как будто ожидая, когда их впустят внутрь.

Глава 7

Я проснулась от запаха роз. Полусонная, я прижалась лицом к теплому телу, лежавшему рядом со мной в постели. Радуюсь тому, что я в постели не одна, я прижалась еще ближе и потерлась носом о его спину. И ощутила густой мех. Я тотчас открыла глаза и с ужасом увидела в свете прикроватных часов Джека маленькое тельце спящего Генерала Ли, который, похоже, простил меня ровно настолько, чтобы вернуться в мою постель. Я перекатилась на спину и глубоко вдохнула. Пьянящий аромат роз успокоил меня, помогая забыть, что Джек спал в соседней комнате. Я вновь смежила веки и начала погружаться в сон, счастливая от сознания того, что моя семья наконец-то вновь под одной крышей.

Я резко села. Мой взгляд переместился на детский видеомонитор на тумбочке, на котором были видны неподвижные фигуры Джей-Джея и Сары за решетками их кроваток. Запах роз мог означать только одно: вернулась Луиза Вандерхорст. Дух молодой матери, которая когда-то была погребена в нашем садовом фонтане, был не из тех, кто слонялся по дому ради забавы. У нее всегда имелась цель. Луиза появля-

лась почти как предзнаменование чего-то, что вот-вот должно было произойти. Ожидание неизбежного всегда смягчалось пониманием того, что она вернулась, чтобы защитить детей, пока опасность не минует.

Я, дрожа, выскользнула из постели, надела пушистый халат и тапочки в тон. И то и другое было рождественскими подарками от Нолы. Дверь открылась. Я сделала шаг вперед, но тотчас застыла на месте. Ключ все еще был в замке, но я его не поворачивала. Я отчетливо помнила, как запирала его прошлой ночью – хотя бы потому, что я слышала, как Джек поворачивает ключ в собственном замке.

Я шагнула на ковровую дорожку в коридоре и бесшумным шагом направилась в детскую. Аромат роз между тем становился все сильнее. У входа в комнату я резко остановилась. Ночник в коридоре освещал зазор шириной в ладонь между косяком и дверью. Я легонько толкнула дверь. Та неодобрительно простонала. В тихом доме этот звук прозвучал громко и пронзительно, как духовой оркестр.

Я застыла на пороге, и меня встретило дуновение пахнущего розами воздуха. Я на цыпочках подошла к кровати Джей-Джея, чтобы проверить, как он. Его одеяло было тщательно подвернуто вокруг него, а над его краем торчал венчик. Я тотчас отпрянула, представив, как его пухлая, но на удивление сильная ручонка сжимает его любимую игрушку. Кто-то недавно прикрыл его. Рекорд Джей-Джея по лежанию под одеялом приближался к пяти минутам, а мы уложили его

спать добрых шесть часов назад.

– Луиза? – прошептала я.

– Не совсем, – раздался мужской голос из угла комнаты.

Мое сердце забилося. Не потому, что я испугалась, а потому, что это был Джек. Я повернулась лицом к углу: там, качая на плече Сару, сидел Джек.

– Здесь Луиза, – тихо сказала я.

– Я знаю. Я услышал, как Сара что-то бормочет, пока стоял в коридоре. Да и температура здесь градусов на пять ниже, чем в остальном доме. – Я чувствовала на себе его взгляд. – Тебе страшно?

Я покачала головой. Возможно, темная комната, освещенная одним лишь ночником, и недостаток сна заставили меня выпалить нечто такое, что прозвучало удивительно похоже на новую Мелли.

– Нет, – ответила я, – потому что ты здесь. С тех пор как я встретила тебя, я ни разу не сомневалась, что нам по плечу что угодно. Главное, чтобы нам быть заодно. – Я чуть не добавила «до сих пор».

Он выдержал мой взгляд, но если и собирался что-то сказать, то момент был упущен. Сара подняла голову, а затем повернулась и потянулась ко мне.

– Мама.

Джек выпустил Сару из рук. Я взяла у него нашу завернутую в одеяло дочь и села с ней в соседнее кресло-качалку. В комнате стояла тишина, не считая тихого поскрипыва-

ния кресел-качалок и ритмичного сосания Сарой большого пальца.

Джек нарушил молчание:

– Хорошо, что я уже все собрал в своем кабинете и перевез в квартиру, чтобы не мешать съемочной группе.

– Зачем им соваться в твой кабинет? Контракт оговаривает проведение съемок в фойе, гостиной, столовой и саду.

– Все верно. Но я не стал бы зарекаться, что Марк или Харви не начнут совать туда нос. Кстати, раз об этом зашел разговор, ты уже упаковала столовое серебро? Я не хочу, чтобы кто-то подумал, что его можно брать на сувениры.

Я нежно потерлась подбородком о тонкие, младенческие волосы Сары.

– Это заняло больше времени, чем я думала, так как решила заодно его отполировать. И пересортировать и промаркировать бархатные ящики. Я обнаружила, что гораздо логичнее хранить их горизонтально, чем вертикально. – Я не смогла скрыть гордость в моем голосе. – Софи и Чэд приедут завтра и заберут большую часть по-настоящему ценных вещей на хранение к себе домой.

– Хорошо, – сказал он с улыбкой в голосе. – Я хотел бы снять со стен большую часть картин, но Харви хочет, чтобы они остались висеть... Для «подлинности». – Джек тихо фыркнул. – Как будто в книге Марка есть что-то подлинное. Но Стерлинг Зербе нанял компанию, чтобы провести инвентаризацию на тот случай, если что-то потеряется или полу-

чит повреждения.

Я кивнула. Было приятно слышать, что наш адвокат, мистер Зербе, взял дело в свои руки и играет на опережение.

– Я надеюсь, что мы сведем неудобства к минимуму, чтобы эти киношники убрались отсюда как можно раньше. Хотя мертвые не большие мастера слушать или соблюдать график. Я составила таблицу, в которой указан график съемок. Нерабочее время выделено на ней цветом. Она на доске объявлений на кухне, так что любой беспокойный дух, слоняющийся вокруг, может ее увидеть.

Я поймала на себе его взгляд.

– Ты и в самом деле...

Я засмеялась, чтобы скрыть смущение:

– Конечно нет. Это было бы смешно. – Я сделала мысленную пометку первым делом убрать таблицу с доски объявлений.

Джек тихонько кашлянул, хотя это больше походило на сдавленный смех.

– Твой отец сказал, что может приехать завтра и начать маскировать цистерну и заодно снять желтую ленту. Я предложил ему, чтобы вы двое вытянули соломинку. Проигравший должен будет сообщить Софи, что раскопки придется отложить до окончания съемок.

Я не удержалась от стона. Я испытывала на себе мстительную сторону Софи чаще, чем была готова признать. Я все еще получала гневные письма из организации «Люди за

этичное отношение к животным», после того как Софи отослала им фотографии моих наряженных к Рождеству собак.

– Или же я могу спросить Меган. Мне все равно нужно позвонить ей и спросить, знает ли она что-нибудь о Замороженной Шарлотте.

Мы в тишине продолжали качаться в креслах, не желая уходить и не ведя счет времени, пока я не услышала внизу приглушенный бой напольных часов. Сара обмякла в моих руках, что означало, что она глубоко заснула, и это было оптимальное время, чтобы вернуть ее в кровать. Зная, что дольше тянуть нельзя, я встала. Джек тоже встал и взял спящего ребенка из моих рук. Его руки были длиннее моих, так что у него было больше шансов положить ее в кровать не разбудив.

Я посмотрела на Джей-Джея. Сбросив с себя одеяло, он лежал на спине в своей обычной позе морской звезды, раскинув руки и ноги и, словно световой меч в руке Люка Скайуокера, сжимая в правой руке венчик. Джек осторожно опустил Сару в ее кровать, а я снова накрыла Джей-Джея одеялом и, прежде чем Джек выпрямился, даже успела аккуратно поставить несколько его мягких игрушек.

Мы стояли у изножья кроваток, глядя на наших спящих детей, запах роз все еще был сильным.

– Я скучаю по этому, – сказала я.

– Я тоже.

Почему-то его слова задели меня за живое. Возможно, по-

тому, что я слишком надеялась, что, как только он поймет, сколь многое он потерял, этого будет достаточно, чтобы вернуть его.

Я сглотнула. В тихой комнате этот звук был подобен грому.

– Думаешь, ты когда-нибудь простишь меня?

Он поднял взгляд и посмотрел мне в глаза:

– Я уже простил. Но это была самая легкая часть.

– Легкая часть?

Джек кивнул:

– В твои намерения не входило причинить вред, так что прощение никогда не было проблемой.

– Неужели?

– Нет. Проблема в том, что я не могу позволить себе снова стать таким уязвимым, полностью доверяя тебе. Я не кошка с девятью жизнями, Мелли. У меня трое детей, и я хочу прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как они вырастут. И, я хочу сказать, как живой человек.

Я едва не рассмеялась. Любая другая пара, ведущая такой разговор, вряд ли должна была соответствовать этому требованию. Но была проблема. Я знала, как заставить его простить меня. Но понятия не имела, как заставить его мне доверять. И я все еще не была убеждена, что виной всему – недоверие.

– Ты... – Он не договорил.

– Что я?

Джек глубоко вздохнул:

– Пока я не пойму, что происходит с моей карьерой, я поставлю мою нынешнюю рукопись на паузу. Особенно учитывая суматоху, которая будет царить в доме следующие несколько недель. Поэтому мне было подумалось... – Он умолк.

– Да? – сказала я, как можно более непринужденно.

– Мне подумалось, вдруг я смогу помочь вам с Вероникой узнать, что случилось с Адриенной. И что-то еще... например, почему эта жуткая кукла была в комнате Нолы. Это помогло бы мне отвлечься от... всего. Мне говорили, что я неплохо разгадываю головоломки.

– Это кто же? – уточнила я. – И Демарэ не в счет.

Демарэ была юной редакторшей Джека, сменившей его старого опытного редактора. Последнего внезапно уволили, оставив Джека в издательстве сиротой и во власти нового редактора, которая ничего не знала о книгах Джека. Джек часто обвинял Демарэ в том, что та все еще читает книжки с картинками.

– Конечно нет. Она не читает моих книг, или ты забыла?

– Верно. – Я сделала вид, что думаю. – Раз уж у тебя есть немного свободного времени, почему бы нет? Это не повредит, верно?

– Если только нам не нужно исследовать кладбище.

Я не поняла, шутит он или нет.

– Хорошо. Давай сначала подготовим дом для съемочной

группы, а потом я введу тебя в курс дела.

Он улыбнулся мне, и его белые зубы сверкнули в темноте. Положив руку мне на поясницу, он вывел меня в коридор, где мы встали лицом друг к другу, словно неуклюжие подростки на первом свидании, не зная, как попрощаться.

– Ты – единственная женщина, которую я знаю, кто прекрасно выглядит в пушистом халате, тапочках и с всклокоченными волосами.

– Правда?

– Ага. Не то чтобы я видел многих, но ты определенно самая красивая.

Я посмотрела на него в полумраке коридора дольше, чем следовало, пока не обнаружила, что, закрыв глаза, наклоняюсь к нему.

– Спокойной ночи, Мелли.

Его слова вернули меня в реальность. Я резко открыла глаза и попыталась сделать вид, будто ничего не случилось.

– Спокойной ночи, Джек.

Не успев сделать то, что сделала бы прежняя Мелли, я резко повернулась и зашагала к своей комнате. Я уже подходила к двери, когда Джек заговорил.

– Да, ты ведь знаешь... – его голос звучал низко и хрипло.

Я остановилась. Повернула голову.

– Что именно?

– Поверь, мы можем пройти через что угодно. При условии, что мы заодно.

Я сказала себе, что он наверняка имеет в виду нечто большее, нежели разгадка убийства Адриенны и Замороженная Шарлотта. Окрыленная надеждой часть меня не могла не поверить, что он имел в виду нас.

– Хорошо. Я рада, что мы на одной волне.

Он снова заговорил, и я услышала в его голосе улыбку:

– И если бы я верил во второй шанс, это был бы почти поцелуй номер два.

С этими словами он повернулся и зашагал к гостевой комнате. Я закрыла за собой дверь в спальню и, не удосужившись запереть ее, залезла под уже холодное одеяло и прижалась к теплому телу Генерала Ли, чтобы он не подумал, что он всего лишь замена за неимением лучшего. Я около часа лежала, не сомкнув глаз, раз за разом мысленно проигрывая наш разговор с Джеком, и, наконец, задремала, думая о том, что он сказал, и задаваясь вопросом, что он делал, стоя в коридоре посреди ночи.

Глава 8

На следующее утро мы с матерью стояли и наблюдали за тем, как отец и Джек натягивают над цистерной новый брезент, делая первый шаг к тому, чтобы замаскировать глубокую рану в саду за домом. Следующим шагом было раскатать поверх него искусственное травяное покрытие вместе с целым пластиковым садом, который, как обещала сценограф Харви, Лори Коул, будет выглядеть в фильме как настоящий.

Не желая опоздать на работу, я посмотрела на часы. Если я опоздаю хотя бы на пять минут, к тому времени, как я доберусь туда, Кэтрин уже совершит шесть продаж. Внутри дома Софи, ее муж Чэд и Меган Блэк были заняты тем, что помогали нам переносить коробки в винтажный фургон «Фольксваген» Софи и Чэда. Они дружно заявили, что им не нужна ни моя помощь, ни полезная таблица, на которой было указано, где каждый ящик должен располагаться внутри фургона. Они даже отказались от моего предложения помочь им перенести коробки в свободную спальню Софи и Чэда.

Я попыталась было настаивать, но Джейн потянула ме-

ня прочь, чтобы спросить, что надеть близнецам и стоит ли доставать из шкафа детские биркенстоки (подарки на день рождения от Софи и Чэда), так как их дочь, Блю Скай, приехала вместе с родителями к нам в гости. Я была рада отвлечься, и, когда вернулась из детской, Софи сказала, что они почти закончили и что мне не нужно проверять фургон.

Хотя в воздухе все еще витал утренний холодок, отец выпрямился и рукавом вытер со лба пот.

Мать вздохнула рядом со мной.

– Как бы ни было больно твоему отцу видеть, что весь его тяжкий труд пошел насмарку, когда цистерна обрушилась, и теперь он с нетерпением ждет возможности взяться за восстановление сада. Честное слово, я ни разу не видела его таким взволнованным с тех пор, как он обнаружил в архивах оригинальный дизайн сада Лутрела Бриггса.

– Я знаю. Он и Джейн угрожали вовлечь меня в реконструкцию, как только закончатся съемки. При условии, что Софи даст согласие.

Я поймала на себе взгляд матери.

– Вообще-то хозяйка дома – это ты.

– Софи когда-нибудь была зла на тебя? Поверь мне. Ей лучше во всем поддакивать. Тем более что обычно она права. Но если ты передашь ей мои слова, я никогда не буду с тобой разговаривать.

Мать тихо рассмеялась, и в уголках ее зеленых глаз собрались лучики морщинок. Хотя ей и было за шестьдесят,

она вполне могла сойти за мою сестру. Она оставалась стройной, и обладала хорошей фигурой, и по-прежнему сохраняла осанку оперной певицы, которой когда-то была. Хотя большую часть моей жизни она прожила вдали от меня, лишь недавно войдя в нее снова, она стала ее неотъемлемой частью, и я не могла представить себе мою жизнь без нее.

– Когда приедут «звезды»? Не могу дождаться встречи с ними. – Мать была похожа на взбалмошную школьницу.

– Не знаю. На прошлой неделе Харви и Марк все еще вносили в сценарий изменения и работали над графиком съемок. Харви винит во всем нас из-за задержек в декабре прошлого года. Он сказал, что изменения нужны для того, чтобы проект оставался в рамках бюджета, но я понятия не имею, как это сделать, а они не считают необходимым держать нас в курсе.

Мать нахмурилась:

– Я попросила Ребекку передать Марку, что я буду счастлива открыть свой дом для «звезд». Мы ведь живем почти рядом. Я пока не получила ответа.

– И скорее всего не получишь. Думаю, Марк предпочел бы, чтобы доступ был ограничен, особенно для тех, кто так или иначе связан с Джеком. Наш каретный сарай временно переоборудовали под раздевалки, причем со строжайшим приказом никого к ним не подпускать.

Она вздохнула и рукой в перчатке заправила мне за ухо выбившиеся волосы.

– Как прошел вчерашний вечер с Джеком?

– Нормально. И нет, мы не вместе. – Я глубоко вздохнула, все еще чувствуя боль от слов Джека. – Он сказал, что уже простил меня.

– Но это никогда не было проблемой, не так ли?

Я посмотрела на нее, понимая, что мне не стоит удивляться. Хотя осознание связывало ее с миром духов, своей способностью читать мои мысли она была обязана повышенной материнской проницательности.

– Нет. Это вопрос доверия.

Она обернулась и посмотрела на моего отца. Даже если я подумала, что она сейчас начнет давать мне советы, я ошиблась.

– Ты справишься, Мелли, – сказала она. – Любовь всегда находит выход.

Я хотела возразить ей, сказать, что она ошибается, что даже если мы с Джеком все еще любим друг друга, это еще не гарантия того, что мы останемся вместе.

– Привет!

Мы обе повернули головы к садовой дорожке, ведущей от фасада дома, где появилась высокая фигура детектива Томаса Райли. Как обычно, в бежевом плаще... этакая уступка типичной одежде всех детективов. А еще ему срочно требовалось подстричься. Хотя, если честно, отросшие волосы выигрышно подчеркивали его суровую красоту.

Он помахал Джеку и моему отцу, а затем повернулся к

нам.

– Доброе утро, – сказала мать и поцеловала его в обе щеки. – Давно вас не было видно. Вы пришли к Джейн?

По его щекам разлился румянец. Он и Джейн прониклись друг к другу симпатией после того, как она переехала в Чарльстон, унаследовав на Саут-Бэттери дом, правда, вместе с довольно неприятным призраком. Затем между ними произошла размолвка, и Энтони Лонго положил конец отношениям. Но мы с матерью были уверены, что не навсегда.

– Нет, боюсь, что нет, – ответил Томас. – Я пришел к Мелани. – Он вытащил телефон и посмотрел на экран. – Ее сообщение пришло сегодня около половины четвертого утра, что объясняет обилие опечаток, но после того, как я его перевел на нормальный язык, думаю, в нем говорилось, что она хочет меня видеть.

Стараясь не щуриться, я посмотрела на экран, радуясь тому, что я без очков и потому не вижу всех опечаток.

– Да, извините. Иногда, когда я не могу уснуть и о чем-то думаю, я, чтобы не забыть, набираю текст. Обычно я жду до утра, чтобы нажать кнопку **ОТПРАВИТЬ**, но, возможно, я была в полусне. Надеюсь, я вас не разбудила.

– Не волнуйтесь. Я все равно уже встал. А я сегодня утром был в вашем районе и решил зайти. Зачем вы хотели меня видеть?

– Речь идет о нераскрытом деле, над которым вы работали, – убийстве Адриенны Холл.

– Я удивился, когда Вероника упомянула, что вы помогаете ей в этом.

У детектива Райли были причины удивляться. Его спор с Джейн был о ее желании заявить о своих способностях, применять их ради помощи людям, что было полной противоположностью тому, что я хотела делать со своим собственным «даром». Даже наша мать не возражала. А вот детектив был категорически против. Он сказал, что даст согласие, только если она останется инкогнито. Он не стремился сделать из Джейн мишень. И знаете что? Я была с ним согласна.

– Да. Но только в этот раз. Я пообещала ей, потому что она моя подруга, и я очень хочу ей помочь. А затем все, точка. – Я подняла палец и огляделась. – Кто-нибудь еще это слышит?

– Что именно? – спросила мать, наклонив голову.

– Песню. У нее еще такой металлический звук... как будто из чьих-то наушников.

– Странно, – сказала мать. – Я не слышу музыки, но мои ноги хотят отбивать ровный ритм.

И тут до меня дошло.

– Погоди секунду. Я сейчас принесу то, что давно хотела тебе показать.

Я бросилась в кухню, где Джейн кормила близнецов, а миссис Хулихан, стоя у плиты, как бы случайно роняла на пол кусочки бекона для трех собак.

– Мама хочет тебя видеть, – сказала я Джейн. – Она в саду

за домом. Мне нужно сбегать наверх и взять там кое-что. Миссис Хулихан, не могли бы вы докормить близнецов?

– С удовольствием, – ответила она, улыбаясь Джей-Джею и Саре.

Поцеловав близнецов в макушки, – едва не коснувшись губами комка яичницы, налипшего на густые волосы Джей-Джея, – я бросилась наверх, чтобы принести плеер и ежегодник. Когда я вернулась в сад, Джейн неловко стояла перед Томасом, пытаясь составить внятную фразу. Выросшая в приемных семьях и работая няней, она не умела расслабляться или поддерживать беседу с представителями противоположного пола.

– Вы стоите здесь. В туфлях, – пролепетала она Томасу, после чего бросила на меня укоризненный взгляд.

– Ага, – ответил Томас с широкой улыбкой. – Рад снова тебя видеть, Джейн. Давненько не виделись. Ты и Энтони?.. – Похоже, он не смог закончить вопрос.

– Он – мужчина, – подсказала Джейн.

– Неправда, – вмешалась я. – Особенно после того, как мы узнали, что он лгал нам и тайно сотрудничал с Марком. Не то чтобы у них из этого что-то вышло. – Я усмехнулась. – Джейн высказала ему все, что думает, хотя он заслуживал гораздо большего. Не так ли, Джейн?

Моя сестра кивнула, напомнив мне скорее болванчика, нежели разумную женщину. Я надеялась, что ее прежнее знакомство с Томасом означало, что ей не придется заново

проходить с ним через неловкую фазу. Похоже, я ошиблась. Чтобы отвлечь их обоих, я подняла ежегодник и проигрыватель компакт-дисков и подошла к маленькому столику из кованого железа, который некогда стоял в ныне стертом с лица земли саду. В настоящее время он стоял на шатких ножках в кирпичном полу патио. Я на пару секунд замешкалась, прежде чем аккуратно положить на него книгу и проигрыватель компакт-дисков.

– Я знаю, что ты уже их видел, Томас. Они были в коробке с вещами Адриенны на чердаке Вероники. Там, где ты нашел амулет. – Мои пальцы автоматически потянулись к цепочке, которую я теперь носила постоянно. Я пыталась хранить его в своей шкатулке с украшениями, но он продолжал появляться в самых неподходящих местах. Я подумала, что, повесив его себе на шею, я избавлю Адриенну от лишних забот.

Томас взял в руки проигрыватель компакт-дисков.

– Да. Я даже попытался заново снять отпечатки пальцев. Но к тому времени он побывал в руках у стольких людей, что любой результат не имел никакого смысла.

Джейн взяла ежегодник и открыла переднюю обложку, демонстрируя автографы и рисунки друзей Адриенны.

– Вы сумели найти всех этих людей и допросить их?

Томас кивнул:

– Тех, чьи личности мы смогли установить. Было несколько надписей с прозвищами, и мы не смогли определить, кто

они такие. Мы спросили тех, кого смогли найти, и сумели идентифицировать еще нескольких, но остальные по-прежнему остаются загадкой. Адриенна была убита в конце учебного года, а значит, в ее ежегоднике было много автографов. Мы очень надеялись, что это даст хотя нам бы одну подсказку, которой мы могли бы воспользоваться. К сожалению, никаких новых зацепок нет. В общем, мы вернулись туда, с чего начали. Если только не... – Он в упор посмотрел на меня.

– Если только Адриенна не расскажет мне больше. Вот почему я принесла вот это... – Я выдержала паузу, как то делала всегда, чтобы мысленно убедиться, не лягнула ли я чего лишнего для непосвященных. – Она сказала мне.

Томас перевернул плеер и тотчас нахмурился:

– Вот как?

– Нет, не словами. Но в некотором роде показала мне.

Томас рассеянно кивнул, снова перевернул устройство, нажал кнопку «ОТКРЫТЬ», а затем посмотрел на меня.

– Где компакт-диск?

– Это то, что я хотела у тебя спросить. Он был внутри плеера, когда вы с Вероникой поднялись на чердак?

Томас отрицательно покачал головой:

– Нет. Но в первоначальном отчете полиции о плеере было указано название компакт-диска.

– Это был альбом Лори Андерсон? – спросила я.

Он нахмурился:

– Думаю, да. Я перепроверю, но я уверен, что это была эта

исполнительница. Я помню это, потому что мне пришлось спросить, кто она такая.

– В начале восьмидесятых она была известна своим хитом «О, Супермен», – сказала Джейн. Она говорила медленно, тщательно обдумывая каждое слово. Мы определенно вернулись к исходной точке.

– Никогда о таком не слышал, – сказал Томас.

– Его не слышал никто, – сказали мы хором.

– Но стоит хоть раз его услышать, как его уже не выкинуть из головы. Это как после пищевого отравления. Каждый раз, когда вы чувствуете запах определенной пищи, вас начинает мутить. Это действительно ужасно и в то же время незабываемо. – Я покачала головой, пытаюсь избавиться от настойчивой пульсации, проникшей внутрь моего мозга.

– И еще кое-что, – добавила я. – На чердаке была не одна Адриенна. Там был еще один дух. И он не рад меня видеть. Кто-то, кто очень хочет, чтобы я не узнала правду.

Мать схватила меня за руку и крепко сжала.

– Это тот же дух, что и раньше.

Я кивнула. Мы обе вспомнили угрожающие слова, вырвавшиеся из ее уст, когда она сжала в руке амулет.

– Да. Кто бы это ни был, он хочет, чтобы я ушла. Наверно, именно поэтому я так редко вижу Адриенну и лишь чувствую ее присутствие.

– Она бережет энергию, – тихо сказала Джейн, – чтобы защитить тебя.

Взяв у Джейн ежегодник, я принялась изучать подписи и пожелания, сделанные разноцветными чернилами, отметки времени в жизни молодой женщины, чье существование, похоже, зависло в прошлом, привязанное к этому миру оставшимся без ответа вопросом. Впервые с тех пор, как Вероника попросила меня о помощи, я поняла. Не головой, как я обычно осмысливала происходящее вокруг меня и в этом мире и в потустороннем, а самой глубокой частью моего сердца, где хранилась любовь к Джеку и моим детям.

Я провела пальцем по изображению лебедя.

– Предполагаю, что лебеди – это талисман «Омега Хи»?

– Да, – сказал Томас. – Большинство подписей были от девушек из ее женского студенческого общества. Сразу после убийства мы допросили каждую участницу, и еще раз недавно, когда мы вновь открыли дело. Опять же никаких зацепок. То же самое с бойфрендом Адриенны и его товарищами по студенческому братству. Ничего. Возможно, Адриенна стала случайной жертвой какого-то незнакомца. На данный момент нам известно лишь то, что она скончалась от удара по голове тупым предметом, который так и не был идентифицирован или обнаружен, а ее тело было найдено в кладовой только через три дня.

– Почему полиции потребовалось так много времени, чтобы найти тело бедной девушки? – спросила моя мать. Ее глаза увлажнились, не иначе как она подумала о Джейн и обо мне.

– Ее соседка по комнате уехала на выходные домой и вернулась лишь в понедельник утром. Полицию вызвали лишь поздно вечером, когда Адриенна так и не появилась. К тому моменту у преступника было достаточно времени, чтобы замести следы.

Внезапно горло мне сжали чьи-то невидимые пальцы. Едва не задохнувшись, я разевала рот, пытаясь вдохнуть воздух, а мои собственные пальцы безуспешно пытались оторвать от шеи невидимые руки.

– Что происходит? – Томас метнулся ко мне, выискивая обидчика.

– Останови его! – крикнули в унисон Джейн и Джинетт.

Вместе мы сильнее. Мне показалось, будто я слышу заклинание, которое мы произносили, сталкиваясь с общим противником.

Давление на мое горло тотчас прекратилось, осталась лишь тошнота. Я тяжело опустилась на кованую скамью и сделала большой глоток уже остывшего кофе. Я подняла голову и увидела, что отец и Джек смотрят в нашу сторону. Мать проследила за моим взглядом и помахала им. Они оба на мгновение застыли на месте, но затем помахали в ответ и продолжили раскатывать поперек цистерны рулон искусственной травы.

– Что это было? – спросил Томас. Он наклонился ближе и осторожно коснулся пальцем моей шеи. – У тебя на шее рубцы толщиной с палец.

Я потеряла горло:

– Я не знаю. Ты уверен, что Адриенну не задушили?

– Однозначно. Я видел фотографии вскрытия. Это определенно был удар по голове.

Мимо нас пронесся сильный порыв ледяного ветра, а вместе с ним и резкий запах «Ванильного мускуса». Моя мать, Джейн и я обменялись взглядами.

– Она здесь, – сказала я.

– Тогда кого задушили? – спросила Джейн, осторожно взяв в ладони мое лицо и поворачивая его из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть мою шею.

Томас достал телефон и сделал несколько снимков.

– Удушение не редкость в делах, над которыми я работал, но в данном конкретном случае его не было.

Прежде чем мы с Джейн сообразили, что она делает, наша мать сняла перчатки и, взяв голыми руками розовый плеер, тяжело опустилась на скамейку рядом со мной. Ее рот открылся. Она явно была в шоке.

– Мама? – Джейн попыталась вырвать плеер из рук матери, но та крепко вцепилась в него.

Мы с беспомощным ужасом наблюдали, как глаза нашей матери закатились, кожа побледнела до смертельной бледности, а красная помада на губах напоминала кровавые ножевые раны. Мы с Джейн инстинктивно встали перед ней, загораживая от нее цистерну. Мы знали, чего ожидать. Моему отцу не нужно было быть тому свидетелем.

Откуда-то из темных глубин груди матери к ее горлу подкатился рык и вырвался из ее рта, как поток нечистот.

ТЫ. ЕЩЕ. ПОЖАЛЕЕШЬ.

Она еще крепче сжала плеер. Ее тотчас начало трясти. Кожа на костяшках пальцев натянулась, а ее выпученные глаза были похожи на черные дыры.

Мы с Джейн одновременно потянулись к плееру, и как только мы коснулись его обеими руками, тряска прекратилась. Руки матери повисли как плети, голова склонилась вперед. Томас подхватил ее, не давая ей упасть, и, встав на колени рядом с ней, нежно погладил ее руку.

– Со мной все в порядке, – выдавила она. Она говорила краем рта. Ее глаза как будто что-то искали, пока не остановились на мне. – Это... устройство, – выдавила она. – Оно крайне важно.

– Давайте проведем вас внутрь... – предложил Томас.

Мать подняла руку.

– Через минуту. Это... важно. – Она сглотнула и повернулась к Томасу: – Возьмите это устройство. Посмотрите еще раз. Есть что-то, чего... вы не заметили. Они... не хотят... чтобы вы это увидели.

– Кто такие «они»? – спросила я.

Она покачала головой:

– Я не... знаю. Они не дали мне их увидеть.

Я встретилась взглядом с Джейн и охрипшим голосом спросила:

– Все еще согласна?

Ее улыбка была бессильна скрыть ее тревогу.

– Вместе мы сильнее, помнишь?

Я кивнула, и каждая из нас сжала руку нашей матери. Совместными усилиями мы осторожно подняли ее на ноги.

– Я отвезу тебя домой и уложу в постель. Джейн придумает что-нибудь, что сказать папе.

Томас поднял плеер и ежегодник.

– Я заберу и то и другое, на тот случай, что мы что-то упустили. Буду на связи. – Убедившись, что с нашей матерью все будет в порядке, он попрощался и ушел. Джейн проводила его взглядом, пока он не свернул за угол дома.

Пока я смотрела, как он уходит, что-то мягкое ударило меня по голове. Мы все посмотрели вниз и увидели красную подушку в форме сердца с оборкой по краю, которая когда-то принадлежала молодой женщине, умершей более двадцати лет назад.

Глава 9

Я вынесла свой заказ на улицу к маленькому красному столику перед «Бакалейной лавкой» на Куин-стрит. От запаха блинчика с «Нутеллой» и горой сахарной пудры и взбитых сливок мой желудок заурчал. Я выбрала сторону фруктов, чтобы подавить любое чувство вины. Это не был мой любимый пончик на завтрак, но любое изделие из «Бакалейной лавки» на Куин-стрит было достойной заменой.

Молодая официантка в футболке колледжа Чарльстона принесла мне большой капучино с двойной шапкой вспененного молока. Подавив желание лизнуть его, я лишь наклонилась вперед и, закрыв глаза, глубоко вдохнула, наслаждаясь моментом. Хотя был февраль, воздух был почти теплым и с редким для Чарльстона удовольствием – низкой влажностью. Я откинулась на спинку стула, намереваясь позволить себе несколько мгновений счастья. Моя семья жила под одной крышей, я была готова завершить свою первую более чем за четыре месяца продажу и собиралась съесть на завтрак настоящую еду без косых взглядов Софи или Нолы.

– Миссис Тренхольм?

Я резко открыла глаза и увидела рядом с моим столиком Меган Блэк. Она была в очаровательном розовом пальтишке свободного кроя с большим бантом на плече, в черных легинсах и сапогах для верховой езды. Я видела эти вещи в витрине «Финики Филли». Либо Меган нашла другой источник дохода, либо ее мать все еще любила наряжать свою маленькую дочку.

– У меня назначена встреча с миссис Фаррелл. – Я не хотела, чтобы это прозвучало как крик или как извинение.

– Хорошо... – медленно произнесла Меган.

– Извини, – сказала я. – Я думала, тебя прислала Софи или Нола.

Видя, что она по-прежнему сбита с толку, я сказала:

– Присаживайся. Я думаю, что моя подруга слегка опаздывает. – Что было вполне объяснимо, учитывая строительную суматоху в доме Вероники. Я договорилась встретиться с ней за завтраком, чтобы рассказать ей про эпизод, произошедший накануне в моем саду за домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.